

Николай Грошев

Дыра. Путь на ту сторону

Пролог

— Давай Вадя! Жмиииии!!! — Радостно заорал молодой человек, по случаю лета, стриженный так коротко, что волос на его коленке осталось заметно больше.

— Вася окно закрой! — Стараясь перекричать шум ветра, воскликнула белокурая девушка, сидевшая на заднем сидении машины, сейчас стремительно несущейся по трассе Ленинск-Кемерово.

— Ань нафига? Клёво же! — Изумлённо ответил Вася, так же криком, правда, уже не сильно радостным. Окно он таки прикрыл. Но не полностью — шум снизился ровно наполовину, ветер по-прежнему трепал роскошные волосы девушки. Так трепал, что она сейчас походила на ведьму из недавно посмотренного Васей, режиссура «Вия». Так что красивая мордашка девушки рассерженно скривилась. Удивительно, но сердитая она становилась ещё более привлекательной.

— Потому что ты лысый как колено, моя причёска похожа на воронье гнездо, а дома тебя

ждёт ужин из лапши Ролтон! — Немного визгливо ответила Аня, своему спутнику жизни.

— Ань ну что ты сразу... — Пробормотал парень, теперь полностью закрывая окно. Водитель, называемый своими друзьями просто Вадя, а в Кемеровской администрации более известный как Владислав Александрович, расплылся в широкой улыбке. Смех подавить удалось легко, а вот улыбку не получилось.

— Чё? — Буркнул Вася, заметив сияющее веселье на лице товарища. — Рули лучше, смешно ему...

Вадя согласно кивнул, но улыбаться не перестал — не смог просто. Он всегда не мог сдержаться, видя маленькие семейные сцены своих друзей. Они выросли вместе, много лет были лучшими друзьями, но как-то так получилось, что у каждого нарисовался свой собственный путь в этой жизни. Связи они теряли, но всё больше отдалялись друг от друга.

Так уж получилось в этой жизни, что однажды толстяк Вадька, вдруг прекратился в солидного чиновника Владислава Александровича, красавица Аня, в сотрудника службы безопасности, да к тому же заместителя начальника, а шалопай и повеса Васёк так и остался работягой с Ленинской стройки. Как так вышло? Да кто ж его знает..., у жизни странные шутки. Казалось бы, их судьбы

разделены навсегда и старые друзья, отныне будут идти каждый своей дорогой. Может быть, изредка созваниваясь. Так, в частности считал Вадя. Даже был в этом уверен на сто процентов. А потому, получив долгожданное повышение в администрации, поставившее непрошибаемую стену благосостояния между ним и его друзьями, Вадя решил устроить Вечер Прощания — так он назвал сие мероприятие лично для себя. На деле, просто небольшая дружеская вечеринка. Как он полагал последняя — слишком разными они стали. Бабник и повеса, трудившийся на стройках Кузбасса Вася, предложение принял легко и был готов выехать в гости к другу, по первому звонку. А вот Аня упиралась долго. В конце концов, ответила она прямо и ясно:

— Владислав, детство давно кончилось. Мы слишком разными стали. Ничего хорошего из этого не выйдет. — Самое удивительное, что Аня по-прежнему так считала. Несмотря на то, что изменить ничего уже не могла и не хотела, она свято верила, что ничего хорошего не получилось..., впрочем, может быть она и права. Старая дружба сохранилась, но не совсем — претерпела кое-какие изменения.

Ему всё же удалось пригласить Аню. Так получилось, что утром Аня и Вася проснулись с жуткой головной болью, в одной постели, да в чём

мать родила. Новость не стала тайной для Вади, потому как проснулись друзья от его громкого, надрывного, можно даже сказать истерического смеха. Они тогда даже не сразу поняли, что происходит, почему их друг смеётся до слёз, да никак не может подняться с пола. А потом повернули головы и, выпучив глаза, с полминуты смотрели друг на друга.

Оба жутко смущались, и дом Вади покинули через полчаса. Почему-то, дружно обвинив в случившемся его одного. Но так оно вышло, и Вадя тут уж точно причастен не был, что страсть подстёгнутая алкоголем, трансформировалась в чувства. Спустя год (весь год они практически не виделись с ним), Вадя получил письмо из Ленинска. Вася и Аня приглашали его на свою свадьбу.

Вот так оно вышло..., вопреки ожидаемому, отношения друзей не рухнули. Эта свадьба, каким-то мистическим образом только укрепила дружбу всех троих. А персонально для Вади появился постоянный повод для улыбки — бабник Вася сильно изменился, надев кольцо. Может, потому что Аня с детства увлекалась единоборствами, отдавая предпочтение какому-то Вин Чу или Чё Вин — Вадя никак не мог запомнить, сколько бы она не повторяла название этой школы боевых искусств. Но он не понаслышке знал, что красавица Аня, в споре за любовь, может

легко положить на лопатки не только свою соперницу, но и Васе и Ваде, вместе взятым, накостылять сможет.

— Мальчики, что это? — Аня указала пальцем на пустую трассу. Вообще, она редко пустовала, но то было раньше. Год назад закончили строительство подземной монорельсовой дороги, соединившей пока только Ленинск и Кемерово — своего рода экспериментальное средство транспортных сообщений. По телевизору, сам президент господин В.В. Путин, неделю назад сказал, что если новая дорога покажет себя хорошо, то уже в следующем 2025 году, создание таких дорог начнётся по всей области. А там, может и по всей стране.

Старая трасса довольно быстро опустела. Дешевле и быстрее стало путешествовать под землёй, заплатив за билет на скоростной поезд, чем тратить бензин и своё время на дорожном полотне. По большей части теперь тут ездили только фуры дальнобойщиков, да такие вот любители скорости и открытых окон.

— Где? — Вадя прищурился, наклонился вперёд, на рулевое колесо практически лёг.

— Я ничего не вижу. — Пожал плечами Вася.

— Да вон же! — Аня наклонилась на спинку Васиного сидения, её рука вытянулась вперёд, девушка почти касалась пальцем лобового

стекла. — Там сверкает.

— Не вижу... — Ответил Вадя и в этот момент, увидел маленькую, но яркую вспышку света над гладкой лентой асфальта. — Что за чёрт...

Увы, они двигались слишком быстро. Вспышка погасла, но её сияние не исчезло. Оно превратилось в тоненькую, сильно изломанную белую ленту, быстро расширявшуюся во все стороны сразу. Будто дырка, в самом воздухе.

— Тормози!!! — Закричала Аня. Вася потянул руки к рулю, но Аня одним движением отбросила их в сторону, а своего мужа буквально пришила к сидению. — Дурак что ли?! На такой скорости мы...

Вадя нажал на тормоз, машина пошла юзом и боком влетела внутрь белой ленты. Заскрежетал металл, сквозь них прошло белесое зыбкое марево, они ощутили леденящий холод, а в следующую секунду, машину развернуло, под истошный визг резины, и она замерла на месте.

— Все живы? — Сказал Вадя, отклеив лицо от рулевого колеса. Рывок при повороте и последующий балет железного коня на асфальте, окончился шишкой на лбу — а могло быть гораздо хуже. Так что, задав вопрос, мысленно Вадя сказал спасибо Богу. Правда, он в него не верил, но в такие вот трудные минуты неизменно к нему обращался..., парадокс. Впрочем, как бы там ни

было, на всякий случай лучше с Богом оставаться в хороших отношениях. Если его нет — ничего страшного, в дурку не закроют, мир не рухнет, а если есть — лишняя помощь никогда не повредит.

— Вроде да... — Аню бросило на заднее сидение, так что она даже не ушиблась. Её бледность вызвал шок, а не травмы. Другое дело Вася.

— Аня, я тебя люблю. — Простонал он с переднего сидения. — Очень люблю, но какая же ты всё-таки сте...

— Лучше молчи, здоровья больше останется. — Проворчала она супругу, перегибаясь через сидение. Быстро осмотрела и ощупала плечи, грудь и шею Васи. Когда коснулась правого запястья, Вася тихонько застонал. — Жить будешь. Ничего страшного.

И поцеловала в щёку. Мужественное лицо Василия, игравшее не последнюю роль в его прошлых любовных подвигах, мгновенно утратило выражение обиды и лёгкой злости, из взгляда испарились не только эти эмоции, но и любой другой негатив. Он действительно любил её, по-настоящему. Один её поцелуй, одна улыбка, могли заставить парня забыть себя и всё вокруг.

— Ехать можешь Вадь? — Откидываясь обратно на заднее сидение, спросила Аня. — Если хочешь, я могу за руль сесть.

— Да не надо..., могу я ехать. Только..., только куда ехать? — Тон Вади его спутникам сильно не понравился. А ещё его бледное лицо и остекленевший взгляд. Он смотрел строго вперёд.

— Ёпт..., мы где, вообще? — Изумлённо выдал Вася, посмотрев туда же. Выдал не сразу, пришлось смотреть почти минуту, что бы понять, что там что-то изменилось.

Как всегда в таких случаях, Аня пришла в себя быстрее друзей. Так было в детстве, когда в лесополосе, они нашли осиное гнездо и решили посмотреть, как живут «мурашки». С тех пор они точно знали, что жёлтое и жужжащее, это совсем не мурашки, а жутко больно и потом чешется недели две. Тогда, именно Аня сориентировалась первой и помогла им направить ноги прочь от гнезда, да почти галопом. С тех пор мало что изменилось. Несмотря на 30-ти летний возраст и жизненный опыт, Аня по-прежнему, в экстремальных ситуациях, действовала и соображала быстрее.

Так и здесь, пока друзья пытались справиться с шоком, Аня уже всё осознала и решительно открыла дверь. Она вышла из машины и, спустя минуту, до их слуха донёсся матерный возглас, полный и удивления и восхищения. Следующим машину покинул Вадя, почему-то, не сразу сумевший втянуть живот, так что бы легче было выходить. Он не был слишком уж толстым, просто

за последние годы обзавёлся брюшком и уже как-то привык втягивать его, чтобы не застревать между рулевой колонкой и сидением. А тут вдруг, память отказала и вместо того что бы втянуть, наоборот выпятил ещё сильнее. Только с третьего раза получилось.

Последним машину покинул Вася. Друзья все вместе вышли к капоту машины.

— Где мы?

— Не знаю Вадя..., не знаю.

Ответила Аня, садясь на корточки. Легко у неё это получилось, на корточки сесть в спортивном костюме..., Вадя со вздохом поправил галстук — его деловое одеяние, для таких телодвижений не годилось никак. Чёртова привычка..., за годы кабинетной работы он так привык к этой одежде, что даже в выходные часто одевался в тот же деловой костюм.

Аня смотрела на асфальт. Разметка почти стёрлась. Трещин много, глубокие. Кое-где, сквозь них растут пышные пучки травы. Метрах в пяти, на самой обочине, асфальт покорёжило и вспучило, там пророс молодой тополь...

— Мы в будущем. — Уверенно заявила Аня, поднимаясь на ноги.

— Что? — Разом воскликнули парни, оборачиваясь к девушке.

— Бред. — Заявил Вадя, спустя пару секунд.

— Это та же самая трасса. — Аня указала пальцем на потрескавшееся обветшавшее полотно асфальта. — Но такая, будто её сто лет не ремонтировали и давно забросили. Монорельс помнишь? Так ведь все и думали, крышка дороге, если он заработает. Мы в будущее попали.

— Аня, прекрати нести чушь. — Заявил муж девушки и в ответ получил гневный взгляд. Аня упрямо склонила голову, нахмурилась. Вася неуверенно пожал плечами и решил пойти на попятный. — Может, дорога такой и была, старой, а мы..., мы просто не сразу заметили. Или может ты даже права, но..., но давайте не будем с выводами спешить.

— Тебя бы ко мне в штат, дружище... — Увидев удачный момент, заикнулся было Вадя.

— Мы уже говорили об этом.

— Да я так, просто... — Пожал плечами Вадя, поспешно сворачивая тему. Он уже с год пытался соблазнить Васю новой работой. В администрации, оно ведь как — неважно какое у тебя образование и какой ты специалист, главное, кто тебя поддерживает, кто проталкивает наверх. Он легко мог устроить обоих в Кемерово, на прибыльную и не пыльную работу, но друзья неизменно отказывались. С Аней он вопрос больше не поднимал, по опыту зная, что её переубедить невозможно, даже вооружившись бейсбольной

битой — отберёт битую и в больницу пропишет. Образно конечно, но упрямству Ани мог бы позавидовать и осёл. Другое дело Вася. Вадя был уверен, что однажды убедит друга и устроит поближе к себе, а там и Аня подтянется. Не бросит же она мужа без присмотра в большом городе, где так много красивых девушек! Ни Аня, ни Вадя, никто из их знакомых не могли назвать ещё одного такого человека, который бы встречался одновременно с пятью девушками в течение года. А Вася, незадолго до памятной ночи с Аней, клялся, что побьёт этот рекорд и ровно год, будет встречаться сразу с шестью девушками. На рекорд он не пошёл, но дело молодое, кто знает что будет, если он улизнёт из-под её бдительного ока?

— Смотрите. — Вадя указал пальцем на лесопосадки, росшие по обе стороны трассы.

— Что? Я ничего не вижу. — Сказала Аня.

— И я. А что там?

— Они ближе. — Вадя ослабил узел галстука. Как-то ему вдруг не по себе стало.

— Я же говорила.

Лесопосадки на них уже не походили. По обе стороны трассы рос дремучий лес, причём на расстоянии метров пятнадцати-двадцати от обочины.

— Я... я ддомой хоччуу... — Залепетал Вася. У него даже подбородок дрожать начал. Но

стоило бросить один взгляд на Аню, и лицо Васи залилось румянцем. Он вдруг подошёл к ней и обнял левой рукой — правая ещё болела. — Я так люблю тебя, моя Валькирия!

Аня посмотрела ему в глаза и Вася смущённо кашлянув, отстранился.

— Не время для нежностей. — Буркнула девушка. — Что делать будем?

— Может, эмммм..., разгонимся и обратно проедем? — Вадя решил галстук вообще выбросить. Не помогло, всё равно задыхается.

— Давайте попробуем, вдруг... — Вася бросил взгляд на машину. Посмотрел на старую дорогу. На местность, которой не узнавал. — А откуда мы ехали?

Вопрос застал врасплох. Аня и Вадя ошеломлённо вертели головами — никаких ориентиров они не обнаружили. Аня первой догадалась изучить следы тормозного пути, но тут, вдруг обнаружилась непонятная странность. Тормозного пути, чёрных полос следов покрышек, втираемых в асфальт весом авто, инерцией и ускорением, на дороге не было. Точнее не было прямых следов. Чёрная восьмёрка от заноса в наличии имелась. И всё.

— Фак..., - Вадя попытался присесть на корточки возле следов, брюки подозрительно затрещали, и пришлось отказаться от таких

деяний, — такое чувство, будто мы по воздуху сюда залетели, а потом рухнули на асфальт.

— Хмм..., мальчики, когда нас начало болтать, машину толкнуло, будто на ухабе.

— Встряли. — Вася в сердцах плюнул на асфальт и вдруг резко вытянулся, приложив ладонь ко лбу козырьком. Зачем непонятно: солнца всё равно не видно, небо затянуто рваными тучами..., только сейчас Аня заметила, что листва деревьев местами жёлтая. Это только укрепило её в мысли, что каким-то чудом их забросило в будущее. Лето только началось, а здесь осень на подходе.

— Там человек. — Вася вытянул правую руку. Похоже, болеть она перестала. — Там вон идёт.

Друзья обратили свои взоры в указанную сторону. Вдалеке, на трассе, виднелась тёмная фигурка. По очертаниям походила на медленно бредущего человека.

— Точно, человек. — Вадя прокашлялся и заорал во всё горло. — Эй! Мужик! Мужик! Сюда и..., ай! — Закончил он кричать, потирая затылок. — Аня, больно же! Что творишь-то?

— Не ори. — Личико Ани скривилось от неопределённо гримасы. Толи раздражение, толи злость, а может и то и то другое, непонятно. — Мы хрен знает где, а ты орёшь как потерпевший.

— Он услышал. Смотрите — бежит к нам.

— Отлично. — Вадя потёр руки и оправил

рубашку. — Сейчас узнаем, что происходит.

Вася радостно кивнул, Аня тоже кивнула, но скорее раздражённо. Её не отпускало плохое предчувствие. И чем ближе подбегал неизвестный, тем сильнее становились это предчувствие.

— С ним что-то не так. — Проговорила она, напрягая зрение. — Не нравится мне это.

— Да брось Ань, просто хромой мужик. — Неуверенно ответил ей Вадя, а Вася побледнел.

— Вадь, в тачке есть что-нибудь тяжёлое? — На вопросительный взгляд друга пояснил. — На всякий случай. Мало ли что.

— Ключ в замке, в багажнике сумка с инструментами. — Ответил Вадя, и супруги вместе отправились к багажнику. Вадя неуверенно пожал плечами и приложил ладонь ко лбу, слегка щурясь. Чем дальше он смотрел, тем сильнее бледнел. Размытая фигурка вдалеке, быстро приближалась. Уже можно увидеть детали, хоть и смутно..., он очень надеялся, что этот розово-чёрный комок на животе мужика, просто скомканная одежда. Не по размеру, например, одел, по лесам мотался, на теплотрассах в городе ночевал, вот и...

— Бежим!!! — Закричал Вадя, когда друзья вернулись к нему вооружённые монтировками. Он повернулся, и ноги почти что понесли его прочь, да куда глаза глядят. Аня успела раньше, чем ноги.

— Уууууххх..., Аня блин, хватит! —

Прокричал Вадя, держась обеими руками за затылок. Рука у Ани тяжёлая. Особенно, если она забывает, что в этой руке что-то держит. Например, монтировку.

Вместо ответа, Аня решительно сунула ему кулачком в живот. Он сжался, но боли почему-то не ощутил. Покосился на кулачок.

— Бери. Если что, отмахаемся. Нас всё-таки трое.

— Спасибо... — Вадя с тяжким сердцем взял в руки монтировку, которой Аня тыкала ему в живот.

— Только мальчики, первыми не кидаемся. Вдруг он больной какой. Психи они сами по себе не буйные, если не провоцировать. Так что ведём себя прилично, пока получается. Хорошо?

Парни согласно кивнули. Вот так втроём, плечом к плечу, старые друзья стояли у своей машины и ждали неизвестно кого. А этот неизвестный бежал всё быстрее.

— Ребята, мне кажется?

— Нет дорогой, не кажется. — Аня сглотнула так громко, что ребята удивлённо посмотрели на неё. Девушка побледнела, её лоб покрылся испариной — Аня боялась.

И было отчего! Обладая более острым зрением, она уже разглядела, ЧТО к ним бежало.

Её спутникам это счастье выпало на

полминуты позже.

— Не может быть! — Воскликнул Вадя, таким тоном, будто от этого крика он, наконец-то, проснётся, а мужик рассеется подобно туманному сновидению. — Не может! — Фигура по-прежнему скакала к ним, радостно урча и скаля гнилые зубы, да тряся ошмётками губ, повисшими на серо-синем подбородке. — Не может... — Прохрипел он, ущипнув себя за руку. Сон рассеяться и не подумал. Значит не сон...

Вася медленно отступал к машине, воинственно выставив перед собой монтировку. Аня шире расставила ноги и странно поставила руки, прям как на тренировке, этого их Чьё Вин..., при этом плечи у неё дрожали, а колени выписывали сложные восьмёрки.

То, что бежало к ним, будто сошло с экрана фильмов ужасов о зомби. Брюхо разорвано, колтун на животе вовсе не из одежды — кишки, грязь, какие-то бумажки..., одежды на этом существе вообще практически нет. Только полуистлевшие обрывки. И лицо — это ужасное лицо Вадя не забудет никогда. Белесые глаза, открытые, сиренево-бурые раны по всей голове, сквозь разрывы в щеках видно челюсти и почерневший рот. Губ нет, они висят на подбородке...

— Закройся! — Завизжала Аня, не оборачиваясь. — Ты мужик или баба, твою мать!?

Вадя перестал орать. Вася, явно прилагая нечеловеческие усилия, заставил себя слезть с крыши авто и подобрать обронённую монтировку.

— Аня, надо бежать...

— Куда Вася? — Рыкнула девушка. Плечи у неё больше не дрожали. Удивительно, но демонстрируемый друзьями панический ужас, помог ей подавить собственный страх вспышкой злости, по отношению к ним. Естественно просто злости, она не осуждала их, не злилась на них, да и не думала об этом. В такой ситуации и Супермэн обделается, а что ждать от бывшего альфонса, и работяги, да чиновника? — Не куда бежать! Мы уже не дома.

Странно, но именно сейчас до них дошло. Они прониклись тем, что случилось. И Вадя не смог ничего сделать. Руки бессильно упали. Монтировка звякнула об асфальт, сам он сел на капот и замер неподвижно. Он перестал реагировать на окружающий мир.

— Вадя? — Вася толкнул друга в плечо. Никакой реакции. Повернулся к Ане, собираясь сказать ей о том, что, видимо, Вадя в прострации из-за шока, но ничего сказать не сумел. Зомби, если это действительно был зомби, теперь находился на расстоянии одного хорошего прыжка.

Он не добежал трёх метров до Ани и действительно прыгнул. Если бы не колтун на

брюхе, он, возможно, сумел бы сбить Аню с ног, а так сам едва не рухнул, пролетев максимум метр. На ногах устоял и снова бегом рванулся вперёд. Девушка сбила тянущиеся к ней гнилые руки, уводящим блоком и тут же нанесла удар в грудь противника. Зомби рухнул лицом в асфальт. Аня удивлённо посмотрела на свою руку. Как и учила её боевая школа, сделано чисто — блок, тут же удар в ответ, только вот от удара, монтировка почти вся ушла в грудь твари. Для того, что бы тупая железка вошла в плоть, да так глубоко, нужно обладать такой огромной силой, какой и у штангистов тяжеловесов нет, а она и ударила-то не слишком сильно. Максимум — сломанное ребро. Однако монтировка пробила плоть и ушла в тело полностью. Аня бросила взгляд на друзей и тут же подскочила к ним.

— Вася, ты в порядке? — Вася ответил кивком, круглыми глазами глядя на спину трепещущего трупа. Он впервые своими глазами видел, как убивают..., человека? Вряд ли. Это, человеком не было уже давно. — Вадя, Вадя очнись!

— Чёрт! Он в шоке. — Рыкнула девушка, пару раз сильно тряхнув Кемеровского чиновника. Вадя не реагировал, глядя пустыми глазами прямо перед собой. — Вася, ты в сознании?

— Ддааа. — Решительно тряхнув головой,

Вася сжал монтировку двумя руками и посмотрел на труп. — Ааааа!!!

И отскочил через весь капот, на другую сторону машины. Аня обернулась и вовремя — зомби встал и широко открыв пасть, бросился на неё. Если бы не обернулась, укусил бы за плечо. Девушка отшатнулась и на автопилоте пошла в клинч, что бы провести серию, призванную буквально втоптать противника в землю..., впервые в жизни, инстинкты, вбитые в её тело тренировками, не сработали. Аня смогла нанести два удара по болевым точкам (на которые существо вообще никак не отреагировало) и ударить ногой в грудь, отбросив его в сторону, но вновь приблизиться — всё её существо бунтовало против этого. Страх — она бы никогда не признала это, но именно страх, не позволял ей эффективно подавить такого противника. Монтировка по-прежнему торчала сбоку в грудной клетке твари, но никаких неудобств, зомби не испытывал. Продолжал идти к ним. Удар отбросил его в сторону, и он тут же вернулся обратно, да так быстро, будто при жизни тоже занимался боевыми искусствами..., увы, боевая выучка, теперь совсем отказала Ане. Она завизжала как самая обычная девушка, ухватив за запястья, тянущиеся к её шее, руки существа. Запнулась, упала на асфальт и завизжала ещё громче, когда ощеренная чёрная пасть, исторгла

гнилостную вонь ей прямо в лицо. На пару секунд страх парализовал и боевые навыки, и память о том, как действовать в подобной ситуации. Всё на что её хватило сейчас — пронзительный визг.

Вася сумел справиться с собой только в этот момент. Он изо всех сил пнул существо по голове. Зомби упал с истошно кричавшей Ани и откатился на метр в сторону. Вася ощутил прилив храбрости и бросился в атаку. Прежде чем шустрый, но явно мёртвый, противник, сумел подняться, он опустил на его голову монтировку. А потом ещё раз. Он бил до тех пор, пока Аня не перестала кричать.

Вася бросил монтировку, обнаружив, что от головы монстра ничего не осталось — только пятно влажной жижи, да осколки костей на асфальте. Аня сидела у переднего колеса, сжавшись в комок. Девушку било мелкой дрожью. Странно было видеть её такой. Она всегда казалась ему скалой и вдруг, он увидел в ней то, что таилось за камнем — женщину, просто женщину...

— Всё. Аня, всё кончилось. — Проговорил он, опускаясь на колени перед ней. Он пытался успокоить её, остро чувствуя, что ему самому сейчас не помешало бы утешение.

— Вижу. — Всхлипнув, ответила девушка. Кивком указала на обезглавленное чудище. — Ты его убил..., - она шмыгнула носом, — а я обделалась как сопливая школьница..., - Вася

улыбнулся, отчего-то напал такой приступ веселья, что улыбка, появившись на его лице, не пожелала уходить. Причём он понимал отчётливо — причин для веселья даже близко нет.

— Что ржёшь? — Рыкнула она. Страх, на целую минуту воцарившийся в её душе, теперь исчез. А может, ей просто удалось скрыть его за этой вспышкой гнева, тут не совсем понятно.

— Ребята. — Оба повернулись. Вадя говорил как робот, был бледен, но всё же говорил — уже хороший знак. — Мне это кажется или вы тоже видите?

Он указал рукой туда, откуда пришёл зомби. Белая, очень тонкая, сильно изломанная лента, появлялась в воздухе. А в дыре, образованной этой лентой, они увидели дорогу. Тот же асфальт, только новенький, с яркими цветами дорожной разметки.

— В машину! — Закричала девушка, вскакивая на ноги. Она первой запрыгнула внутрь, на водительское сидение. Воткнула ключ в замок зажигания и повернула. — Реще!

Вася поспешил упасть на заднее сидение, а вот Вадя двигался с трудом. Он сумел сесть на переднее сидение, только когда дыра обрела размеры гаражных ворот. Аня вжала газ, и машина рванула с места с пробуксовкой, даже шины задымились. Через полминуты они пересекали «холодный» барьер. Как и в первый раз, их будто

ледяным душем окатило. Но в следующее мгновение, машина неслась по самой обыкновенной трассе, деревья росли там, где нужно, а где-то вдалеке, медленно ползла здоровенная фура — они вернулись домой.

— Ураааа!!! — Заорала Аня, широко улыбаясь. Вася тоже улыбнулся — так, будто ему пушку к спине приставили и настойчиво попросили поддержать девушку, а не то сделают пару лишних дырок в его ветровке. Улыбаться и радоваться искренне он сейчас не мог совсем.

Вадя отреагировал как-то механически. Залез рукой во внутренний карман пиджака и извлёк оттуда маленькую декоративную фляжку. Осушил её одним могучим глотком, шумно выдохнул и охарактеризовал их маленькое, но удивительно страшное приключение, парой не литературных выражений. Аня ответила смехом и новым «Урааааа!».

— Ребята. — Вася смотрел в заднее стекло. Он сглотнул и тихо проговорил. — Дыра всё ещё там...

Улыбку с лица Ани сдуло. Рывком она переключила скорость, не до конца отжав сцепление — коробка отреагировала протяжным скрежетом.

Аня выдавила педаль газа до упора.

Глава 1 Дыра

Сообщение СМИ РФ.

Необыкновенный физический феномен был зафиксирован на трассе Ленинск-Кемерово, вчера днём. Мы не знаем, что именно там произошло, но свидетели сообщают о дыре прямо в воздухе, из которой вышел труп. Да, представьте себе, очевидцы утверждают, что это был именно труп, причём безголовый. Есть сообщения о жертвах этого существа. Двое молодых людей остановились возле дыры, и труп буквально разорвал их руками. Думаем, не стоит доверять таким сообщениям очевидцев, но, что-то там действительно произошло. Что бы внести некоторую ясность, мы пригласили профессора Арсеньева. Профессор, что вы думаете об этом инциденте?

— Понимаете, это просто паника, от непонимания, какого-то, обычного для нашей планеты, природного феномена...

Сообщение СМИ РФ. Спустя две недели после первых сообщений о, так называемой, «Дыре».

Итак, мы все теперь знаем — Дыра существует. Что она такое, как появилась и откуда, нам неизвестно. Однако известно, что из неё, иногда выходят странные, хм, существа. На сегодня

известно о двух жертвах, этих существ. Сегодня на наши вопросы ответит генерал Юрьев, почему именно он, вы узнаете из окончания этой статьи. Итак, генерал, что происходит?

— Ничего.

— Хм..., генерал, на трассе Ленинск-Кемерово, появилась Дыра и кое-кто утверждает, что это портал в будущее, другие же полагают, что это Врата Ада и первый знак апокалипсиса...

— Бред! Забудьте всю эту бредятину! Никакой Дыры нет. Не было, и нет! На дороге разбился испытательный аппарат. В нём были вещества, глюцигенные.

— Галлюциногенные?

— Отставить! Вы над кем издеваться вздумали??? Я правильно сказал.

— Простите, я не нарочно. Так что же это был за аппарат?

— Испутываемый аппарат. Мы испытывали его, и он того, в землю. Ну, вы меня поняли.

Сообщение СМИ РФ. Спустя месяц, после возникновения Дыры.

Сегодня уже нет никаких сомнений — Дыра существует. Попытки правительства утаить от нас правду, потерпели фиаско! 77 километр трассы Ленинск-Кемерово, объявлен зоной военного

положения, везде блокпосты, к Дыре — хотя её отчётливо видно в окуляр обыкновенной подзорной трубы, никого, даже журналистов не допускают. Наши корреспонденты сумели найти точку, с которой видно все, что происходит возле Дыры. Как сообщает наш корреспондент:

— Они строят что-то. Прямо возле Дыры. Нам плохо видно, но, думаем, это что-то опасное. Определённо — иначе нас бы пустили за блокпосты.

Сообщения СМИ РФ. Спустя два месяца.

Как сообщили нам военные, попытка заблокировать Дыру, потерпела крах. В конце статьи, мы приводим полное описание действий предпринятых войсками, для блокирования угрозы исходящей от Дыры. Вкратце — саркофаг вокруг Дыры создать не удалось. По неизвестным причинам, он разрушился, а диаметр Дыры вырос вдвое. Сейчас в неё легко проедет самосвал, но, как сообщают военные источники, её размеры стабилизируются, диаметр возвращается к исходной точке.

Что такое Дыра, как она образовалась и куда ведёт, до сих пор неизвестно. Но, поступают тревожные сведения, о том, что правительство снарядило и отправило в Дыру, группу специального назначения. Подтверждений у нас

пока нет. Военные хранят упорное молчание.

Сообщения СМИ. Спустя три месяца.

Руководство ООН выражает беспокойство по поводу нежелания Российской стороны допустить к Дыре солдат и учёных других стран. По-прежнему невозможно пройти за ограждение. Над Дырой возведён купол, к сожалению, теперь мы не можем увидеть, что происходит непосредственно возле Дыры. Вчера господин Мастерсон, порекомендовал президенту Путину, подумать о действиях России и тех последствиях, которые они могут вызвать, для ВТО и ШГН договорах.

Российская сторона хранит упорное молчание.

Сообщение СМИ. Спустя полгода.

Наконец-то, новые сведения о Дыре! И удивительные сведения. Как выяснилось, газета «Правда», редактор которой была отстранена за сообщения об отправке солдат в Дыру, оказалась права. И сразу же ещё одна поразительная новость — купол, закрывавший Дыру, демонтирован. Нам неизвестны причины демонтажа, но теперь, наблюдательный пост на холмах, облюбованный корреспондентами многих СМИ ещё полгода назад, вновь доступен для нас и мы можем наблюдать за всем, что происходит возле Дыры в военном городке.

Вчера, на пресс-конференции в Москве, администрация Президента сообщила:

— Мы отправили в Дыру три группы. Неделю назад, вернулась третья, о судьбе первых двух ничего неизвестно. То, что принесла группа, реликты этого ужасающего места, то, что открыла группа, столь удивительно и страшно, что нами принято решение. Мы обращаемся за помощью к ООН. Дыра — окно в новый мир. Это не будущее, уверяем вас, это совершенно новый мир. Более подробно об этом расскажет премьер-министр, на конференции в Москве.

Постановление ООН, от 14 января 2025 года.

Любая попытка проникновения за пределы блокпостов, расценивается как терроризм. Нарушители будут уничтожаться на месте, без суда и следствия.

Постановление ООН, от 30 апреля.

1. Данный пункт отменяет Постановление от 14 января 2025 года.

2. Попытка проникновения на объект «Дыра», приравнивается к преступлению средней тяжести и будет наказуема согласно законодательству РФ.

Сообщение СМИ РФ.

Стало известно, что в Дыру, две недели назад

был отправлен крупный контингент миротворческих войск с лёгкой техникой. Вчера, поступило сообщение о возвращении небольшой группы солдат. Немногие уцелевшие находятся в полушоковом состоянии. Почти ничего не удалось узнать о судьбе более 200 человек. Вероятно, они погибли.

Поразительная особенность: из 14 кадровых военных, вернувшихся из Дыры, лучше всего себя чувствует Анна Колосова, чей статус в группе пока неизвестен. Одно мы знаем точно, Анна Колосова не является кадровым военным. Несмотря на внушительный послужной список в силовых структурах, её можно считать гражданской.

Постановление ООН, от 3 августа.

Начать строительство автоматических охранных турелей в радиусе 20 метров от Дыры.

Запрещается отправка солдат в Дыру, для поиска реликтов, развёртывания баз, проведения спасательных операций, исследовательских миссий.

Начинается серия испытаний, нового метода изучения мира Дыры.

Сообщение СМИ РФ. Содержит вставки и вырезки из зарубежных СМИ.

Новая инициатива ООН вызвала целую бурю в среде Правозащитных организаций. Так

называемые «новые методы изучения», не что иное, как отправка в Дыру пожизненно осуждённых преступников. Их снабжают необходимым минимумом и предоставляют самим себе. Помощь военными оказывается им только в обмен на реликты ужасающей реальности чудовищного мира, что лежит за Дырой. Поразительная беспринципность должностных лиц ООН, уже подверглась критике большинством правозащитников во всём мире. На трассе, сегодня закрытой для любого транспорта, собираются митинги и пикеты. Люди требуют остановить творящееся беззаконие. Люди приезжают даже из таких стран как Нидерланды, что бы принять участие в голодовках и митингах, возле городка, построенного ООН вокруг Дыры.

Вот как прокомментировал ситуацию господин Мастерсон:

— Вы слышали о новом лекарстве от рака мозга? Как думаете, откуда оно появилось? И это лишь один дар того мира. А сколько ещё их может быть! Мы не звери, не фашисты, мы предлагаем осужденным пожизненно, свободу, жизнь в адских условиях, но свободную жизнь, и возможность послужить человечеству.

Вот так ответил нам господин Мастерсон. Некоторые СМИ Европы уже прозвали господина Мастерсона Новый Борман (На всю полосу

большой рисунок, где мистер Мастерсон изображён в форме эССэсовца времён второй мировой, перед ним ряды миротворцев с нарукавными повязками, на которых изображены человеческие черепа и руны SS).

Постановление ООН. 14 сентября 2026 года.

Новые методы изучения показали себя прекрасно. Общество освободилось от расходов на содержание опасных преступников, преступники получили ту жизнь, какой заслужили и обеспечили нас массой важных открытий. На следующем заседании ООН поставить вопрос о принятии Амнистирующего Закона, для меченных, обеспечивших особенно важные открытия.

Начать подготовку к проекту «Колонизация».

Начать анализ ситуации для проекта «Свободный Рейд».

Сообщение СМИ РФ, 12 декабря 2026 года.

Нам удалось взять интервью у одного из действующих сотрудников программы «Свободный рейд». Немало интересного, ужасного и удивительного поведал нам Александр Иванченко, неделю назад вернувшийся домой с той стороны, как он говорит, из «выхода». Александру удалось найти нечто необыкновенно ценное, и он признался нам, что собирается выйти из программы.

Напоминаем «Свободный рейд» абсолютно добровольная компания и уйти из неё можно в любой момент. Так что же поведал нам сотрудник «Рейда», называющий себя «бродягой»?

Полный текст интервью вы найдёте на развороте нашей газеты на страницах 6 и 7, а вот несколько шокирующих слов от Александра:

— Мертвецы что ли? Ну да, много их там бродит. Разные...

— Разные? Не могли бы вы пояснить?

— Да легко. Мне трёх видов трупки попадались. Есть такие знаете, как в кино про зомбаков. Только голову им рубить бесполезно — недохнут (цензура), пока не сожжёшь до последней косточки. Эти трупки не слишком опасны. Они сильные, что банда медведей гризли, но тупорылые совсем. С ними легко справиться. Если в руки им не попадётся. Они сильные все как слоны, хотя и гнилые..., но чаще там попадают другие трупки. Они не гниют, даже почти не воняют. Брюхо ему вспорешь, а он уже через две минуты целёхонький на тебя кидается. Вот эти чистое наказание — хитрые (цензура), что б их (цензура), подвижные (цензура) и иногда, кажется, что у них даже интеллект есть. Вот такие они. Твари, в общем. А есть ещё здоровяки. Такой кишмиш из плоти и кости. Здоровенные, натурально слоны. Благо они там редко встречаются, а то бы всех бродяг давно

перебили. Но самый (цензура), это дети (цензура)! В смысле, (цензура) не потому что дети, а потому что дохлые, мертвяки в смысле. А так я детей того, ну, хорошо к ним отношусь, но вот на той стороне дети это реально (цензура). Мелкие, шустрые (цензура)...

Сообщение СМИ РФ, 1 января 2027 года.

Несмотря на гибель всех членов Ориона, первой добровольной колонии в мире Дыры, была создана и отправлена в Дыру новая группа. Протесты и демонстрации не принесли результата. Желających отправиться в Дыру так много, что для создания новой группы пришлось выдумать критерии отбора. Именно выдумать — мы не сомневаемся в лживости фашистов из ООН и лживости их заявлений о том, что они стремятся создать группы, имеющие больше шансов на успех. Ничего подобного, заявляем мы! Фашисты ООН, стремятся избавиться от бедных, угнетённых и множества других «лишних» людей, просто выбросив их в Дыру!

Мы уверены, после выхода этого номера, нашу газету закроют, но мы не можем молчать, когда творится такое!!!

Сообщение СМИ, 2 июня 2027 года.

Грязные инсинуации, допускаемые разными

газетёнками в разное время, больше не будут осквернять страницы нашей газеты. Главный редактор, редактор, а так же директор, уволены и больше не смогут представлять вам, нашим читателям, грязную ложь и собственные уродливые измышления. Отныне и впредь — только, правда!

Успешно продолжается проект, названный «Меченые». С радостью и абсолютно добровольно, все пожизненно осужденные стремятся попасть в Дыру, что бы служить человечеству.

Первый крупный успех проекта «Колонизация»! Несмотря на грязную ложь, о полной гибели первой колонии, создание второй было успешно завершено и многие счастливые колонисты, отсылают письма родным и просто людям, через солдат Дыры. Тем, кто впервые читает о Дыре, мы поясняем, Дырой так же прозван и учёный городок на бывшей трассе Ленинск-Кемерово и военный городок, на той стороне Дыры. Никто из колонистов не желает возвращения в наш мир, который они открыто называют «унылым». Увы, но факт, они обрели новый дом и больше не желают возвращаться к прошлому. Что ж, нам остаётся только порадоваться за них и пожелать удачи третьей группе колонистов, которых уже готовит Китайская Народная Республика, для отправки в Дыру.

Давно начат и успешно работает проект,

благодаря которому любой желающий, прошедший медицинское освидетельствование в учёном городке, может войти в Дыру. Напоминаем, что для них созданы особые условия, как по поиску реликтов, так и передвижениям в пределах Дыры и обоих миров. А так же хотим порадовать тех, кто не смог пройти освидетельствование и получил отказ по своему заявлению, об участии в программе «Свободный рейд». Всего несколько дней назад, список ограничений для входа в Дыру, был значительно урезан.

Господа, наступила Новая Эра! Впереди величайшие открытия, а совсем рядом с нами, новый, удивительный, опасный, но вместе с тем и прекрасный мир Дыры!

Глава 2 Меченые

Хотя грузовик ехал быстро — об этом можно было судить по облакам, быстро мелькавшим меж решёток, в узком потолочном окне кузова. Тряски почти не ощущалось. Скорее всего, ехали по федеральной трассе — единственный тип дорог, которые в России можно считать пригодным для комфортабельной езды. Куда ехал грузовик? Никто не интересовался. Только прыщавый юнец, втиснутый охраной в дальнее кресло, почти у самой двери. Он всю дорогу подвывал. От страха трясся,

да лез к своим спутникам с вопросами. Иногда тихонько плакал. Юнец давно замолчал, даже задремать получилось. И сейчас его не слышно. Может, тоже уснул?

Кон открыл глаза. Напротив, сомкнув веки, сидел Сухой. Именно благодаря ему юнец, всё-таки заткнулся, перестав сотрясать воздух бессмысленным своим рёвом и вопросами, на которые всем глубоко плевать. Сухой вежливо попросил парня замолчать, потом попросил не вежливо, да матерно, а после холодным тоном, в красках, расписал, какая будет у юнца жизнь в новой тюрьме. Парнишка тогда стал почти прозрачным от страха — Сухой не врал, он просто слегка приукрасил детали. После процедур, не ломало от боли, не выкатывались из орбит глаза от галлюцинаций, в которых земляные черви ползали по мозгу и выедали глазные яблоки изнутри. Ничего такого. После процедур галлюцинации вообще не мучили. Мозг просто не мог их породить, пережив жесточайшую обработку психотропными препаратами и нейронными импульсами. После процедур, на всё было плевать, мир становился серым и пустым. И боль в этом мире, уже казалась благом, потому что только так можно понять, что ты ещё жив. Юнец понимал, что Сухой преувеличивает, он знал, как всё будет в тюрьме, никто и никогда не делал секрета из участи

пожизненных и, наверное, потому он замолчал. Сухой, в конце своего красочного рассказа, пообещал, что при следующей перевозке, на которой они окажутся в одной машине, он не ограничится словами и просто зарежет юнца.

— Поверь сучонок, когда мне нужно, у меня на руках могут оказаться неисправные наручники, а в кармане как раз исправная заточка. Понял меня, чёрт пернатый?

Парень понял, а Сухой смилостивился и пообещал, что забудет о нём, о своём испорченном настроении забудет, если, конечно, парень заткнётся и притворится, что его как бы и нет здесь. Так юнец и поступил. Кон попробовал немного повернуть голову, что бы увидеть окошко. Получилось, правда, чуть ухо не оторвал, ну и ладно — он давно не видел неба. Пусть оно в решётку, но ведь небо..., только небо, только этот жалкий клочок воли, ещё способен пробудить в нём хоть какие-то эмоции. Нейронная обработка убила почти всё. Лишь небо, ещё заставляет его сердце трепетать. С каждым годом всё слабее, всё тише. Может быть, однажды он уже не будет смотреть в это окошко, может ему станет всё равно, но пока может, он будет смотреть, пока ещё чувствует хоть что-то.

К сожалению, не получалось смотреть вверх долго — эти кресла создавались из металлов и

сверхпрочного пластика, создавались специально для перевозки пожизненных. В них даже ухом пошевелить невозможно, без неприятных последствий. А если начать биться в нём, пытаться вырвать руки и ноги из зажимов, по телу пройдёт электрический разряд. Не особо мощный, но достаточный, что бы отбить всякое желание трепыхаться.

На одной из перевозок, кажется года два назад, довелось ему видеть, как такое кресло убило человека. Бородатый мужик, наверное, не отсидевший ещё и месяца, всё время смеялся. Даже когда начал дёргаться и его ударило первый раз, он хохотал как сумасшедший. Его било током, а он рвался и рвался из металлических оков. Это продолжалось минут десять, а потом он затих и больше не шевелился. Бедняга обделался — электричество, как и недостаток кислорода, могут заставить человеческий организм вытворять весьма неприятные вещи, без всякого участия сознания. В кузове поднялась ужасная вонь — экскременты, горелое мясо, подпаленная одежда, тот ещё букет. Охрана не остановила машину. Они действовали строго по инструкции, вот и пришлось любоваться на перекошенное лицо мертвеца, да слышать его вонь, почти десять часов подряд. Тогда ему ещё было не всё равно. Чувства уже утратили краски, но ещё реагировали на сильные раздражители.

Два года назад. Теперь такое не заставило бы его даже поморщиться.

Странно — как всё-таки удивительно легко приспособливается человек. Как быстро привыкает к любой мерзости. Первый час такого соседства Кон думал, что помрёт от удушья, ему даже было страшно. А потом, часа через три, он вдруг понял, что его ничуть не смущает запах, он почти перестал его чувствовать. Ужасно перекошенное лицо товарища по несчастью, не казалось уже таким ужасным. Под конец ему удалось задремать. Вроде бы даже хороший сон приснился..., и в том конкретном случае не было вины ошпаренных процедурами нейронов. Он просто привык.

В этой перевозке, ощущалось что-то необычное. Никогда прежде, маршруты не менялись. Пожизненно осужденные перевозились строго по инструкциям, от одной точки до другой без остановок, без задержек, только по проверенным дорогам и только при сопровождении наряда полиции. Почему сейчас, за столько лет, в процедуру перевозки, вдруг внесли изменения? Почему они не были отправлены из одной точки отбывания своего бесконечного срока, до другой, почему на их маршруте появилась промежуточная остановка? Кон не знал, а догадками тут делиться было не принято, да и не стали бы его спутники вести задушевные беседы друг с другом. Не те

люди, что бы увлекаться праздною болтовнёй. К тому же, такие вопросы могли начать задавать только Сухой, и истеричный юнец. Остальные давно не волнуются по таким пустякам. Кон видел их лица — отруби им руки, они будут стоять, и ждать пока им отрубят ещё и головы..., впрочем, кажется, он и сам уже такой. Вопросы о странности перевозки, появились в голове: слабо, будто на последнем издыхании, шевельнулось любопытство, и взгляд снова начал искать окошечко с небом.

На промежуточном пункте их не освободили, кресла не дезактивировали, просто в кузов зашли люди. Двое в костюмах и один в белом халате. Автоматическим анализатором он взял кровь у всех восьмерых. Непонятная процедура, потому как это оборудование использовалось для анализа проб грунта и бесполезно в медицине..., а может, Кон просидел слишком долго и на свободе уже создали, да активно применяют портативный биологический анализатор? Почему-то, эта мысль не пришла в голову раньше..., зачем на правой щеке каждого из них, человек в халате вытатуировал символ £?

Сделал он это грубо, подобно дворнику, впервые в жизни взявшему в руки скальпель. Теперь щека зудела, пульсировала болью. Наверняка, распухнет. Используя портативный лазерный прибор, этот костолом нанёс татуировки, причём Сухому нанёс её криво, почти по диагонали,

так, что верхняя часть символа залезла на нос.

Машину подбросило на ухабе. Кузов повело, машина дёрнулась и остановилась. Несколько минут ничего не происходило, а потом кузов открылся и подвижную камеру пожизненных арестантов, залило ярким дневным светом. Пахнуло лесом..., наверное, показалось. Кон прикрыл глаза. Очередная остановка, скоро они поедут дальше.

Что всё-таки происходит? А вдруг правдивы слухи, которые иногда проскальзывали в Интернете — слухи о том, что пожизненных заключённых, перевозят из одной тюрьмы в другую по одной единственной причине. Правительство совершает массу таких перевозок и след заключённых неизбежно теряется, а, так как, всякие контакты извне с ними запрещены, то и проверить, где именно находится конкретный заключённый, после прохождения по запутанной сети маршрутов перевозок, невозможно. И такие заключённые «утилизируются». Проще говоря, уничтожаются, дабы сократить расходы бюджета на их содержание. Кто знает..., раньше это казалось бредом, а теперь..., что ж, тогда всё кончится скоро. Кон уже давно сомневался в том, что хочет жить дальше. Кому нужна такая жизнь? Небо только в решётке, через окошко, когда перевозят из одной клетки в другую. Контакты с людьми извне запрещены, невозможно даже позвонить. Даже с

другими заключёнными контакт только на перевозке. Четыре стены, пожизненная пытка..., лучше смерть. В тюрьме полно охраны, полно роботов, за тобой следят, даже когда ты спишь. Стоит только попытаться свести счёты с жизнью, и гарантирована неделя в медкорпусе, после которой жизнь не становится лучше, а мысль о смерти наполняет таким диким ужасом, что боишься даже дышать реже, чем всегда — вдруг следящая аппаратура решит, что ты пытаешься задохнуться? Охрана разбираться не станет. Просто отправят на процедуру..., интересно, доктора из медкорпусов пожизненных тюрем, учились по конспектам доктора Менгеле или сами по себе такие твари?

Раньше все эти мысли, вопросы, волновали, заставляли думать, жалеть себя, страдать. А теперь они просто есть. Плывут где-то за гранью сознательного. Живут собственной жизнью. Почти нет в них эмоций. В разуме давно поселился холод пустоты бездумья. И в этой пустоте, постепенно исчезает его память. Многое уже забыто и почему-то совсем нет желания забытое вспоминать. Раньше он цеплялся за уходящую память. Отчаянно цеплялся..., наверное, однажды настанет день, когда он забудет даже своё имя. И самое страшное, что ему будет плевать. Он забудет прошлое, забудет своё имя, и просто не сумеет захотеть всё это вспомнить. Просто не сможет захотеть.

Кто-то вошёл внутрь. Кон скосил глаза и сумел разглядеть пятнистую форму. От возгласа удивления он удержался легко — не возникло в нём ни капли удивления. Просто отметил факт. Как-то всё равно. Его приучили быть таким. Заставили разум не реагировать на любые изменения. Не смотреть по сторонам, не задавать вопросы, не реагировать на боль, не видеть ничего, повиноваться, существовать. Простые правила. Легко запоминаются. А что бы запоминалось ещё легче, охрана обычно применяла нейронные шокеры. Очень эффективный метод, дополняющий процедуры.

— Что происходит? Куда нас привезли? — Опять юнец. И чего не успокоится? Может быть, он недавно попал в пожизненные. Вот и не может никак успокоиться. Кон тоже не мог. С год. Однажды попал в мед корпус снова. Не потому что задал вопрос без разрешения. Он ничего особо не нарушил, просто обнаружил как-то утром, что ничего не чувствует. Отказало всё — осязание, обоняние, он даже видеть стал хуже. За истерику, за вопли ужаса, попал в мед корпус. Только к концу недели, когда Кон вообще перестал реагировать на процедуру, доктора озаботились причинами приступа паники, случившегося в одиночной камере пожизненного арестанта — а других там и не было, все одиночные.

Эх, зря он перестал реагировать. Надо было притвориться, кричать, биться, пытаться вырваться, тогда всё бы кончилось там. А так мучения продолжились. Они начали искать и нашли. Нейро шокер к нему применялся так часто, что вызвал побочный эффект. Как соизволили объяснить доктора (он не спрашивал уже наученный горьким опытом — они рассказали сами, почему-то решив, что он должен знать), особенности ДНК сделали его нейроны сверхчувствительными и при нужной тренировке, он мог бы стать отличным пилотом стратосферных истребителей...

Как всё-таки странно. Вот сейчас, так не вовремя, он вдруг понял. Док объяснял ему это не из альтруизма или приступа милосердия. Военные лётчики-стратосферники, давно выделились в особую касту. С машинами способными летать там, справлялись немногие. Пассажирским «прыгуном» мог управлять и ребёнок, а вот военным самолётом, буквально единицы. Слишком высокие требования, слишком высокий порог реакций требовался, что бы управлять стратосферным истребителем. Высокая зарплата, громадная пенсия, почёт, уважение, льготы..., он мог жить как в сказке. Наверняка, ещё бы годик свободы и его заметили бы по результатам полного ежегодного медицинского освидетельствования. К сожалению, всё случилось задолго до срока, в который ему

полагалось пройти это освидетельствование. Док хотел, что бы он понял, что бы осознал. И только сейчас до него это дошло.

Кон стиснул зубы так, что их скрежет услышал Сухой. Посмотрел на него. На инвалида. Именно так. Последователи Менгеле и ему подобной ветоши, обнаружили прогрессирующую деградацию синоптических связей. Её вызвали нейро шокер и высокая чувствительность нейронов. Итог — почти полная потеря чувствительности, хаотичная гибель нейронов, смерть мозга. Они остановили развитие искусственно вызванной болезни, и порог его чувствительности снизился вдвое по отношению к среднестатистическому человеку. Погано..., хотя, здесь, за решёткой, то, что с ним случилось, лишь помогало. Он был бы инвалидом по другую сторону решётки, там случившееся становилось плохим, только там. Так зачем переживать, если ему, это лишь на пользу? И всё равно, где-то глубоко в душе зарождается щемящая боль — новая боль. Как будто мало ему тоски по дому, тоски по жене (её имя выветрилось из памяти) и ребёнку, ещё не родившемуся, когда на него надели наручники. Сейчас ему четыре..., или пять? Печально, он не мог вспомнить. Кажется, он попал за решётку очень давно. Память о прошлом почти стёрлась, стала какой-то призрачной. Наверное, всё это был сон, а на самом

деле, он родился уже таким, уже в наручниках и в серой робе пожизненных.

— По двое в ряд и на выход. — Холодно произнёс мужчина в пятнистой форме. С щелчком отошли крепления, плотно удерживающие в кресле руки от кончиков пальцев до плеча, ноги, торс и голову.

— Да скажите же вы что происходит??? — Завыл юнец, подскочив со своего кресла. Охранник повернулся и..., и ударил прикладом. Юнец, молча, упал на пол, всё лицо залито кровью..., только сейчас Кон обратил внимание на некоторые детали формы охранника.

— Эту пададь несёшь ты и ты. — Так же холодно произнёс солдат, указав рукой на Сухого и грузного мужика с внушительным брюшком. Его Кон видел впервые. Вот Сухого видел часто. Раз семь их перевозили вместе. Один раз они даже поговорили минут десять. Пока кресла не пропустили через них по разряду. Тогда и познакомились..., Сухой, несмотря на недовольство подчинился. Теперь Кон старательно смотрел на солдата, на то, что открылось его взору в открытом проёме кузова, на оружие, на пол, на небо — он впитывал всё увиденное, пытался анализировать и запоминать. Сухой ни за что не подчинился бы — один из немногих арестантов на памяти Кона, который предпочитал удар нейронного шокера,

вместо повиновения непонравившемуся ему приказу. Сейчас, что-то изменилось. Либо Сухому известно что-то, чего не знает Кон, либо он увидел что-то, чего ещё не заметил Кон. Нужно смотреть, нужно слушать..., и бороться с волнами безразличия ко всему вокруг.

Всего секунду назад он знал, почему нужно смотреть и запоминать, теперь не мог вспомнить, почему это необходимо. Ему совершенно всё равно. Ладно, будем смотреть. Непонятно, правда, зачем. Наверное, ему один из охранников приказал смотреть...

Кстати, вот что любопытно: охранник ударил прикладом. А ведь такого быть не могло в принципе. У них автоматического оружия вообще не было, и грузовик, никогда прежде, не останавливался посреди открытого поля. Охранник вовсе не охранник, он солдат.

— Туда. — Указал стволом автомата, солдат, ждавший на улице. Собственно он тут был не один. Два десятка автоматчиков в два кольца окружали грузовик. Тюремные охранники тоже тут. Стоят в сторонке, по колено в зелёной луговой траве, и курят. На пожизненных они не смотрят.

В указанном направлении, располагалась старая, поросшая бурьяном асфальтовая дорога. Вокруг неё стоят домики. Разбросаны на местности, как попало, построены без всякой системы. Кое-где

и вовсе палатки стоят. Между ними ходят люди. В белых халатах, в форме с оружием, с оружием и одетые в гражданское, двое солдат в подвижной броне замерли у входа в двухэтажное бетонное здание...

А среди всего этого подобия города, на пустом пространстве диаметром метров сто, висит Нечто, нижним краем, утопая в пышной луговой траве. Рваные края, светящиеся тонкой белой полоской и идущая слабой рябью мутная поверхность. Будто озерко в тихий погожий день, только поставленное вертикально и лишённое берегов, дна и воды. Только тоненька полоска поверхности этого озерка...

— Опыты на нас ставить будут. — Медленно, по слогам, растягивая гласные, проговорил лысый подтянутый мужчина, занявший место в строю рядом с Коном. Он его услышал, но не отреагировал: сейчас лысый упадет, корчась в судорогах, строй остановится, и будет ждать пока лысый придёт в себя, потом двинутся дальше...

— Слышь босый, закройся нах. Всё там узнаешь. — Рыкнул солдат из кольца, в ответ на слова мужика. Кон, да и все прочие пожизненные одновременно запнулись об собственные ноги. Один вообще в траву упал. В их головах что-то переклинило. Происходящее выбивалось из программы, так не было никогда. Сейчас всё

происходило неправильно. Разумы, прочно ошпаренные процедурами не смогли справиться с происходящим, возник конфликт, где-то на уровне бессознательного. Только Сухой отреагировал иначе — он ощерился в злой улыбке.

К такому обращению никто из них не привык. Для Кона сложно было принять изменения, а ведь многие из его спутников провели в серых робах по десять и более лет. Пожилой и худой мужик, который как раз и упал в траву, сейчас испытал настолько глубокий шок происходящего, что не смог сам подняться на ноги. Дважды пытался, но всё время падал. Нервную систему парня переклинило так сильно, что затронуло не только мозг, но и двигательный аппарат. На ноги его подняли солдаты. Причём не пинками, а просто подхватив под руки, вернули в вертикальное положение. Творилось нечто абсолютно невозможное. Может, сон? После процедур сны редко, но снятся. Они всегда бредовые, хаотичные и очень яркие. Ведь то, что торчало посреди городка, иначе как сном и не назовёшь. В природе так не бывает. Если конечно, пред твоими глазами не мираж. Но откуда мираж посреди моря зелёной травы?

Они двинулись к домикам только через пару минут. Никто не подгонял, никто не бил их, не угощал разрядом шокера, солдаты вообще

остановились, и безразлично смотрели на них.

Их вели прямо к озерку, застывшему над землёй. Неужели и, правда, на них собираются поставить какие-то эксперименты? Это ещё хуже, чем слухи об «утилизации»..., обидно. Его обрекли на такое, просто за то, что он защищал себя, своё будущее.

Вроде бы должно быть сейчас плохо, должно быть очень больно, но Кон ощутил лишь лёгкую тоску. Эмоциональный инвалид без будущего, с искорёженным сознанием, почти не способный ощутить даже прикосновение к чему-то — таким он стал, за попытку защитить себя и своё будущее. Как несправедливо..., жизнь вообще несправедлива. У него всё было хорошо. Работа, жена, блестящее будущее, но он захотел ещё и детей — наверное, поэтому жизнь сказала «хватит, уже слишком много!» и отобрала у него всё. Даже способность испытывать полноценные эмоции.

— Капитан, докладывайте. — Сказал человек в белом халате, стоявший возле «озерка» с каким-то непонятным прибором в руках. Под халатом виднелись детали военной формы. Кажется, парадной, впрочем, Кон не слишком разбирался в этом.

От строя солдат отделился человек, на первый взгляд ничем не отличавшийся от прочих. Интересно, как другие узнают, что он капитан, а не

рядовой? Кон попытался осмыслить то, что видит. К концу доклада капитана, он понял, что у этого солдата на плече немного другие нашивки. Хм, почему его интересует этот момент? Он уже давно не пытался узнать или понять больше чем разрешалось. А тут вдруг пытается разобраться в таких бессмысленных и не нужных деталях. Наверное, свежий воздух вскружил голову. Всё-таки он много лет не вдыхал таких вот ароматов — луговая трава, чистый воздух, без испарений смрада цивилизации.

— Восемь мужчин, в возрасте от 21 года, до 55. Почти полностью здоровы. Все попали в заключение до 24-ого года. Трое бывшие военные. Один, в прошлом, сотрудник ОМОН. Остальные не имеют подготовки. В лучшем случае, знакомы с лёгким стрелковым оружием. Вот этот вор в законе. Как он попал в пожизненные, информации нет.

— Почему?

— Засекречена. Судили по спец указу Совета Федерации, на закрытом суде.

— Хм. — Мужик в халате, задумчиво нахмурился, поскрёб пальцами висок и громко сказал. — Господа пожизненные! Правительство дарует вам свободу и гарантирует помощь в новых условиях обитания, при выполнении некоторых наших требований. — Он помолчал, пристально глядя в лица арестантов. Никакой реакции, пустые

глаза, каменные лица. Только на лице вора, его взгляд задержался дольше прочих. — Ты знаешь, что вас ждёт?

Сухой медленно кивнул головой. Юнец, которого ему пришлось тащить под руки, уже не отягощал его плечи, стоял рядом, ошалело тряс головой. Вор держался на ногах крепко, опустив руки и сжав кулаки. Казалось, он готовится схватиться с кем-то врукопашную.

— Отлично, хе-хе. — Мужчина в халате повернулся к капитану и так же со смехом произнёс. — Увидеть бы рожу министра, если сообщить ему, что некоторые пожизненные в курсе происходящего на воле, гы..., ладно. Три года назад здесь появилось это. — Он указал рукой на «озерцо». — Эта хреновина, дверь в другой мир господ. Совсем другой. И вы выбраны на роль первопроходцев. Вернуться обратно вы не сможете уже никогда. Собственно вы уже сейчас не можете вернуться. Все вы недавно отправлялись в медкорпус, не за нарушение режима, а непонятно зачем и ни один не помнит, что там происходило, так?

Кон кивнул первым. Так же сделали остальные. По привычке они не говорили без прямого приказа, опасаясь получить порцию шокерной энергии. Действительно, неделю назад его отправили в мед корпус, не ясно за что. Но

процедуру не проводили. Внутри он просто потерял сознание и очнулся уже в своей одиночке.

— В ваши обмороженные черепушки, вживлены датчики. Передают они сигнал опасности, и читает его только десять принимающих систем во всём мире. Посмотрите все вооон туда.

Он указал на охранную турель. Такие стояли во всех тюрьмах. Автоматические пулемётные вышки. Только здесь они немного отличались внешне и оснащены спаренными пулемётами Рено-67. Кон видел их действие в интернете, в записи на ютубе. Правда, они стреляли по пластиковым макетам, одетым в подвижную броню, сделанную на основе самых современных экзоскелетов. Пули Рено разрывали сверхпрочные материалы как бумагу.

— Турели полностью автоматические. Настроены на уничтожение чужеродных объектов прошедших через Дыру и уничтожение носителей сигнала опасности — таких как вы. — Мужчина посмотрел на часы. Снова на них. — О, датчики активируются через полторы минуты..., кто-то со сроками накосячил млин..., а, пофиг. Так, о чём я? А, да, чипы у вас в бошках. Значит так, как только это произойдёт, турели будут видеть вас как вражеский объект. Сунетесь обратно и вам крышка. Да, не пытайтесь их найти. Вживлены они

непосредственно в мозг и удалить их, не превратив вас в дебилов пускающих сопли пузырями, невозможно. Остальное на той стороне. Ну, у вас есть ещё 57 секунд. Можете посмотреть на родной мир в последний раз.

Странно, страха не было. Даже глухая, какая-то леденящая тоска, разливающаяся в сердце, ощущалась как-то отстранённо, будто не им даже вовсе..., он получил новый приговор. И какой из них лучше, не узнать пока не переступишь через эту их Дыру.

— Я не пойду туда!!! — Юнец пришёл в себя. — Нееет!!! Не надо, прошу вас, пожалуйста!

Упал на колени и попытался осыпать поцелуями подол халата. Военный с отвращением отступил и врезал сапогом по лицу парня.

— У вас двадцать секунд, хотите жить — в Дыру. Иначе турели смешают вас с грязью. Вперёд!

Первым в Дыру шагнул Сухой. За ним Кон. А потом и все остальные. Только юнец остался лежать на земле, плача и вздрагивая всем телом, у ног майора.

— 15 секунд. — Военный сплюнул. — Ты дурак что ли? Сдохнешь ведь!

— Пощадите. — Выдавил юнец сквозь рыдания, сотрясавшие его.

Ближайшая турель с тихим шелестом развернула башню. Стволы, смонтированные на

подвижной основе, опустились вниз.

— Чёрт! Капитан, в Дыру его живо!

Юнец подскочил на ноги, едва капитан приблизился к ним. С протяжным воплем он побежал прочь. Турель развернулась, пулемёты навелись на цель и с глухим грохотом, тяжёлые стволы выплюнули две огненных вспышки. Ноги парня пробежали ещё несколько метров, выстреливая в небо тугие фонтаны крови из разорванного таза. Все, что было выше, разнесло на десятки фрагментов. Турель вернулась в прежнее положение, оба ствола замерли наведённые на Дыру.

— Блин..., влетит Вадиму от генерала. — Пробормотал военный, почесав затылок. — А мне от Вадима влетит..., долбанный меченый, тварь конченная..., а, пофиг: на лицо суицид мля.

Махнул рукой и повернулся к Дыре, вновь выставив перед собой прибор.

Капитан пожал плечами — не ему влетит, и выдал сержанту наряд на уборку останков, запачкавших до чёртовой матери квадратных метров травы. Пока искал сержанта, капитан тоже сказал немало слов в адрес погибшего преступника: траву снова перекрашивать придётся. Эх, когда уже этот грёбанный генерал из Цина припрётся, со своей инспекцией? Краски уже нету блин...

Кон ощутил ледяную волну, окатившую его с

ног до головы, а потом всё исчезло — он снова стоял по колени в траве, на этой стороне не такой яркой, может, показалось, но вроде бы, трава была чуть более светлой. С неба светило солнце, везде солдаты, а вокруг тоже городок. Только немного другой.

— Семь. — Произнёс солдат в летнем камуфляже. Снова пересчитал, тыкая в каждого пожизненного пальцем и беззвучно шевеля губами. — Точно семь. А надо восемь.... Васёк!

— Чё? — Отозвался молодой человек, куривший на бетонном блоке в десятке метров в сторону. Оглянулся. Кон, почему-то, тоже оглянулся и, поёжившись, отступил подальше. За спиной шла рябью Дыра. — Уже привезли что ли? Тимыч! Тимыч мля!

Из-за серой палатки, на правой стороне городка, поспешно вышел солдат, на ходу застёгивающий ширинку. Глянул на звавшего его парня, на пожизненных, кивнул и потопал в сторону небольшого бетонного здания на переднем крае городка. Парой окриков он увёл с собой нескольких солдат. Кон успел заметить, что парень, командовавший солдатами, не был облачён в армейскую форму. Он так же увидел, что этот городок, больше похож на военное укрепление с видеороликов ютуба про новую войну в Католическом Ираке. Заметил, что здесь, несмотря

на обилие военных, практически отсутствует дисциплина. Увидел, что солдаты городка почти не обращают на них внимания. Остальное не успело зафиксироваться в памяти. Потому что он, да и все остальные увидели Её. Бесподобная, очаровательная, прекрасная, настоящая Женщина. Их всех буквально пригвоздило к месту. Женщина! Так близко, буквально шагов пятьдесят...

Многие годы они не видели их даже на картинках, а тут — живая и такая эффектная, что трудно поверить в её реальность. Фигурка точёная, ножки стройные, загорелые..., они смотрели теперь только на неё (вчетвером, трое продолжали пялиться в пустоту, просто фиксируя окружающий мир, подобно машинам). Белокурая, голубоглазая нимфа, она сидела на бетонном блоке и курила, отстранённым взглядом взирая на мир окружающий её..., впрочем, её взгляд был скорее настороженным. Губы словно лепестки роз, очаровательно нежный, чувственный рот. На щеке, тонкий шрам — но он вовсе не портил её! Да, будь у неё хоть всё лицо в шрамах, сейчас, в этот миг, ничто не могло испортить её красоты...

— Вот млин каждый херов раз, одна и та же песня. — Васёк, скорчив недовольное лицо, обернулся. Глянул на девушку. Повернулся обратно. Каждый раз она оказывалась на улице, когда привозили меченных. Порой ему казалось,

что она делала это специально. И каждый раз они замирали вот такими истуканами. Теперь минут десять вообще ни на что реагировать не будут. И разговаривать с Аней бессмысленно — с её упрямостью трудно поспорить даже ослу.

— Эй! Пожизненные! — Никакой реакции. Васёк нахмурился, что-то беззвучно прошептал одними губами. Резко рывкнул. — Зэки внимание! — Четыре пары глаз по-прежнему жадно взирают на девушку, беззаботно пускающую колечки сизого дыма прицелом к ясному голубому небу. Все четверо смотрят по-разному. Кто-то с алчным блеском в глазах, кто-то с восхищением, будто ангела наяву увидел, один смотрит так, что ясно без долгих размышлений, что девушку он сейчас представляет исключительно голышом, на спине, да в травке. Трое смотрят сквозь него и, похоже, не видят ничего вокруг. Васёк снова на Аню посмотрел. Несколько солдат скучавших на углу низкого бетонного строения захохотали. Васёк побагровел, повернулся обратно и вскинул автомат. С яростным треском оружие выплюнуло очередь в небо. Помогло. Пожизненные зэка встрепнулись и, все семеро, с большим трудом, сфокусировали взгляды на его фигуре. Непривычно было им слышать стрельбу. Тюремная охрана уже много лет не пользовалась огнестрельным оружием. Нейронные шокеры оказались куда эффективнее,

надёжнее и, самое главное, значительно дешевле.

— Очнулись? Хорошо. — В этот момент из бетонного здания появился Тимыч и ещё двое солдат. Они несли семь комплектов различной амуниции. А девушка докурила, глянула на Тимыча и грустно вздохнув, выбросила окурок. Взяла с бетонки автомат и направилась к группе вновь прибывших, туда, где застыли скучающие солдаты. Сейчас потеха будет, от которой лично она уже устала.

— Разбирайте. — Произнёс Тимыч, бросая к ногам пожизненных арестантов плотно свёрнутые тючки, семь закрытых довольно больших сумок и семь автоматов. — По одной вещи на рыло.

Дважды просить их не пришлось: приказ всё-таки. Первое что они взяли в руки — автоматы.

— Гы-гы-гы!!! — Хохотали солдаты. Хохотал Тимыч и Вася, причём последние смеялись громче всех, аж до слёз и смеяться начали ещё до того как Сухой с яростным оскалом направил автомат на Тимыча, да вжал курок. Приглушённый треск бойка из-за смеха, другие пожизненные не услышали и начали «стрелять», пугая солдатские животы безобидными щелчками, грозных автоматов. Причём в нужную сторону «стрелял» только Сухой. По большей части пожизненные просто скопировали действия вора, повинувшись «стадному» инстинкту — взяли оружие в руки и вжали курки.

На то что бы ещё и направить автомат в нужную сторону соображалки им уже не хватило. Даже Кон вжал курок, копируя действия вора, но его автомат дулом смотрел ему же в ногу. Если бы оружие начало стрелять, половина пожизненных сами себя пристрелили бы ещё здесь, у Дыры.

— Не надоело вам ещё? — Проговорила девушка, подходя ближе к группе солдат, умирающих со смеху. — Все же меченные одинаково реагируют на это дерьмо. Скучно блин.

— Да ладно ты Ань! — Сквозь смех сказал Вася. — Ты на их лица посмотри! Уха-ха-ха, я не могу блин, ха-ха-ха...

Девушка посмотрела, но ничего смешного не увидела. На половине лиц сейчас нулевая отметка эмоциональной жизни, с тенденцией уйти в глубокий минус. Да половина из них даже не поняли что происходит. Только один отреагировал адекватно на ситуацию и как раз его-то лицо сейчас, и смешило солдат. Сухой, осознав издёвку, оружие бросил, покрасневшее лицо вора перекосило гримасой бешеной, едва сдерживаемой ярости. Казалось, он сейчас кинется на солдат с голыми руками. Но он, конечно, не сделал бы такой глупости, под прицелом такого количества стволов. В его глазах Аня видела недюжинный ум и несгибаемый дух. Такой не пропадёт в мире Дыры.

— Поднимите стволы. — Девушка повернула

свой автомат боком, что бы они все могли его видеть. — Затвор видите? — Меченые посмотрели на свои автоматы. Аня показала пальцем место, где должен был находиться затвор. К сожалению, очень немногие меченые, знали не то, что поверхностное устройство автомата — не все были в курсе, с какой стороны из него пули вылетают.

— Вот, это затвор. — Она ухмыльнулась, когда один из меченных догадался посмотреть на свой автомат и найти такую же чёрную загогулину. На его автомате там был гладкий, выпуклый предмет, на первый взгляд казавшийся частью оружия. — У вас затвор заблокирован. Что бы вы могли спокойно нас выслушать. По периметру лагеря установлены постоянно работающие датчики, как только пересечёте зону действия одного из них, блоки сами отвалятся, и сможете зарядить и использовать свои автоматы...

— Я не умею. — Заявил бородач, как и прежде, растягивая гласные, но автомат на плечо повесил.

— Хочешь жить — научишься. — Ответила ему девушка. Дальнейших вопросов на эту тему не последовало. Всё ясно и так. Курс молодого бойца проходить придётся самостоятельно, без подсказок. — В сумках патроны, паёк на семь дней, разные мелочи полезные. В скатках одежда и спальник. Мой вам совет, спальник располосовать

аккуратно ножом, что б, если что, можно было встать и стрелять, не сбрасывая его с себя. — Она вновь ухмыльнулась, показав им свои ровные белые зубки. — Спать будет не так тепло, зато утром кишки у вас будут в брюхе, а не на траве вокруг мешка.

— Спасибо Аня, дальше я сам.

— Давай, я к Гершену загляну, парочка вопросов к гадёнышу есть.

Девушка покинула их, отправившись куда-то влево. Вскоре она скрылась среди палаток и кое-как сколоченных деревянных зданий.

— Итак. ООН и наше правительство считают, что на этом этапе вас надо выгонять из лагеря в поле и хрен с вами. Но я думаю иначе. — Вася закурил и, сев на корточки, прислонился спиной к бетонной плите. С полминуты он молчал, потом заговорил. — Краткий курс по тому дерьму что вас здесь ждёт. Людей тут почти нет, вокруг вас почти тот же мир, что и за Дырой, только пустующий уже много лет. Кто тут обитает: меченные, такие же, как вы, поселенцы и бродяги. Кто есть кто, вы сами скоро поймёте. Теперь: здесь опасно. О живых мертвецах слышали?

Угрюмое молчание одного и пустые лица ещё шестерых, таким был ответ меченных. Уже который раз Вася сам себя спросил — интересно, они его хотя бы слышат? Впрочем, в основном,

речь для Ведущего. Остальные, если выживут, вспомнят его слова.

— Короче, слушаем и запоминаем. Если видели фильмы про зомби — забудьте. Разбивать бошки бесполезно. Единственный способ их завалить — сжечь. Если не получается сжечь, советую отстрелить или отрубить голову, руки и ноги. Если не могут сожрать, они стремятся просто разорвать на куски. По остальному, условно живому дерьму, разберётесь сами. Опасность не только в этом. В каждой сумке лежит дешёвый анализатор. С его помощью можете определить съедобно то, что растёт или лежит без присмотра. Тут советую прислушиваться и к интуиции. Анализатор иногда ошибается, модель фуфловая.

— Что тут случилось? — Вдруг заговорил Кон. Он даже не сразу понял, что этот вопрос задал именно он. И голос..., господи, он не узнавал своего голоса: хриплый, такой чужой голос.

— Хех, — улыбнулся Вася, — найдёшь ответ на этот вопрос, получишь амнистию и два вагона денег. Никто не знает. Просто что-то случилось и тут теперь не жизнь, а полная ж...

— Пойдите. — С примесью изумления, вымолвил бородач. — Тут поселения есть?

— Я же говорю: такие как вы, меченые, поселенцы, да бродяги. А нахрен бродягам поселения строить? Это добро только в виде

наследства, от тех, кто сейчас по земле в виде мертвяков бродит. Города есть там же где и у нас, только не советую туда соваться, пока не пообвыкнетесь. Если в полях выжить сложно, то в городах сдохнуть вообще не проблема. Тут всё претерпело изменения непонятной природы. И всё похоже на наш мир, но есть отличия. Например, у нас тут поля, да монорельс на десять км восточнее, а в этом мире, тут проложена сеть труб. Нахрена мы не знаем, что в них раньше текло тоже без понятия, но сейчас там сильная кислота, под давлением. Трубы старые, кое-где лопнули. Смотрите под ноги ребята, иногда из труб выхлестывает эту пакость. Тут на десять км вокруг, это самое опасное что есть. Ну, а теперь самое главное. Реликты.

Вася замолчал на пару минут. Дело в том, что слева, где-то за палатками слышались возгласы людей и выстрелы. Что там происходит, отсюда видно не было. Спустя минуту все они отчётливо слышали хриплый низкий вой. Он быстро стихал, где-то вдали.

— Что это было? — Кон сглотнул, едва не проглотив и язык.

— Собака..., наверное. — Пожал плечами Вася. — Реликты. Если хотите получить от нас помощь в виде патронов, жратвы или ещё чего — ищите реликты. Книги, оборудование, биологические образцы, в общем, найдёте любое

странное дерьмо, тащите сюда. Если вещь признают реликтом, получите награду. Если нет... — Вася развёл руками. — На нет и суда нет.

— А если мы вернёмся ночью и вынесем нахрен ваш лагерь, да заберём всё, что тут есть?

— Хе-хе. — Ухмыльнулся Вася Сухому. — Дерзайте. Только знайте две вещи — нас завалить не так-то просто. И второе — тут, на этой стороне, почти ничего нет. Всё чем вы можете поживиться здесь — патроны и небольшое количество пайков. Всё вкусное на той стороне. — Он кивком указал на Дыру. — Когда нужно, мы берём. Здесь держим только то, что необходимо прямо сейчас. Ну, вот и всё. Теперь вы можете идти навстречу новому миру.

— Барахло собирайте в темпе, пора искать приключений. — Рыкнул Тимыч, резким движением рук, в коих ещё пребывало оружие, указывая направление, в коем располагались приключения.

— А, забыл. — Вася, собиравшийся уходить, остановился и, подняв к небу указательный палец, произнёс. — От городов пока держитесь подальше...

— Ты им уже говорил. — Прервал Тимыч своего товарища по оружию и, видимо, командира.

— Да? — Вася удивлённо вскинул брови. Тряхнул головой и добавил, перед тем как уйти

вглубь городка, куда-то за Дыру. — Самые ценные реликты мы обычно находили в маленьких городах, но пока не поймёшь что тут к чему, город — смерть. Впрочем, он всегда смерть. В одиночку не советую даже близко там мелькать. А в большие вообще не суйтесь, сдохните ещё на окраине. Там столько всякой погани, что не сосчитать.

— Всё взяли? — Тимыч подошёл к ним, забросив автомат за спину. Быстро осмотрел всех семерых. Кивнул и отошёл к Дыре. — Нормально. Переоденетесь за буйками. — Он ощерился в какой-то злобной улыбке. — Буйками мы называем датчики, которые снимут с ваших стволов железки. Там вы и получите свой первый урок. — Он помолчал, почему-то, очень внимательно глядя им в глаза. Будто прикидывал, кто из них проживёт подольше, а кто помрёт уже очень скоро..., показалось, наверное...

— Слава, ставлю штуку, вот эти двое, — он указал на Кона и Сухого, — принесут какое-нибудь важное дерьмо.

— Реликт в смысле? — Отозвался один из солдат, сейчас державших всех арестантов в неровном полукольце взведённых автоматов. Странно он говорил. Слово «реликт» произносилось с ударением на первом слоге и вместо «е», звучало «э». Возникло стойкое ощущение, что называть эти таинственные реликты

реликтами ему ново и непривычно. Кон не был уверен, но, похоже, самым распространённым названием сих таинственных реликтов, тут стала фраза «странное дерьмо».

— Ага, я про них. Ну что? Ставку принимаешь?

— Нет. — Ответил Слава, с полминуты глядевший то на Кона, то на Сухого. — Тож думаю, проживут долго. Давай вот на этого? Ставлю полштуки, что мы его уже никогда не увидим.

— Хм... — Тимыч с сомнение глянул на пожилого мужика с сединой в волосах. Неуверенно пожал плечами. — Блин, Слава, так не честно. Он точно ласты склеит..., ну тебя нафиг. Короче, манатки в зубы и вперёд. Туда. — И указал стволом в сторону асфальта. Старого, заросшего травой асфальта.

— Это место в точности как там, у нас? — Шагая в указанном направлении, спросил Сухой.

— Да, почти всё такое же. — Тимыч, сопровождавший их с правого бока, с усмешкой добавил. — Мы на трассе Ленинск-Кемерово. Оба города тут есть. Знаком с этими краями?

— Нет.

— Я знаком, жил здесь..., - пожилой оборвал свою речь, нахмурился, заговорил снова, — то есть, там, за Дырой. Давно жил.

— Слышь, меченые, — пробасил солдат,

шедший слева от группы, — советую с этим мужиком оставаться как можно дольше. Может, до утра дотянете.

— Сёма, завязывай. Не всё тут так хреново. — Тимыч указал рукой в поля, под углом к старой дороге. — Там поселенцы окопались. Они не зэки, что б вы в курсе были. Добровольцы-колонисты, хех..., до сих пор не понимаю, какого хрена они сюда полезли? В общем, у них там типа крепости. Поле старое раскопали, что-то выращивают. Вы к ним не суйтесь, меченых они не любят.

— Эй, мужик. — Один из солдат, шагавший рядом с Тимычем, толкнул в плечо пожилого. — Ты это, если места знаешь, к Панфилово не ходи. Тут этого посёлка нет, и не было никогда. Там просто поле.

Минут через пять, седой меченый прошептал, едва слышно.

— Я там жил, когда-то...

— Всё, тут расстаёмся. — Тимыч и солдаты остановились. Все кроме Тимыча наставили оружие на меченных. — Наколки на ваших мордах, это знак для нас и всех прочих — что бы было ясно кто вы и что из себя представляете. Тяжело вам придётся, так что мой вам совет — держитесь вместе. Любой поселенец прежде загонит в вас пулю, а потом уж будет разговаривать. Тоже самое бродяги, эти вообще без тормозов..., ну а от таких как вы,

меченых, думаю и сами знаете чего ждать.

— Ножками ребята, ножками. — Произнёс один из солдат, поведя стволом автомата.

Они последний раз посмотрели на солдат, на этот городок, на Дыру в воздухе, за которой лежал знакомый мир. Мир, в который обратного пути, теперь нет.

Все семеро двинулись вперёд, инстинктивно следуя за Сухим. Как-то вышло так, что, не сговариваясь, они признали его своим лидером. Наверное, потому, что он представлял особый класс людей, а может, потому, что только он один сохранил способность соображать. Остальные, сейчас чувствовали себя словно во сне. А некоторые даже себя самих не признавали, подобно тараканам, просто реагировали на реалии окружающего мира без единой мысли в головах.

Сухой остановился минут через пятнадцать. Он обернулся, послав долгий взгляд городку, почти слившемуся с горизонтом. И далеко не сразу заметил, что перед ним стоит вся группа пожизненных. Все шестеро смотрят на него и ждут. Задумчивый взгляд вора на миг наполнился удивлением. Он приподнял одну бровь. С минуту молча, смотрел в их лица. Потом, так же молча, кивнул им и бросил свою сумку наземь. Присел на корточки. С противным «вжжжик» расстегнул замок. Сухой быстро осмотрел содержимое, ничего

не достав наружу. Спустя несколько минут закрыл сумку и размотал свой тючок с одеждой. Все шестеро, последовали его примеру.

Одежда оказалась простой, удобной, но не более того. Джинсы, толстые, прочные, с шестью карманами — по одному дополнительному, зачем-то, пришили на ляжках. Тёплые рубашки с высоким воротом, на замке-молнии, вроде бы из хлопка. Перчатки из искусственной кожи с резиновыми вставками, куртки из утолщённой джинсовой ткани и армейские берцы с климатическим чипом — дешёвка, давно снятая с производства. Чипы обеспечивали некоторый комфорт, но часто ломались, так что такая обувь не особенно порадовала вора.

Сухой переоделся первым. Робу он не выкинул, а скатав аккуратным валиком, уложил в сумку. Они поступили так же. А потом полезли в свои сумки в поисках важного предмета. Его только что извлёк из своей сумки Сухой. Длинный нож, почти мачете, в ножнах с ремнём. Что с такими ножнами делать Кон, например, не знал. Он просто повторил действия вора — зацепил их на ляжке. Правда, у него не получилось сделать это с первого раза. Ножны соскользнули на голень, закрепить, где надо, удалось только раза с четвёртого.

Не говоря ни слова, Сухой двинулся дальше по асфальту. Они следовали за ним. Пока ни у кого

не возникало желания отделиться от группы. Пока в их головы ещё не полностью проникла мысль, о том, что перед ними целый мир, где нет законов, полиции, тюрем, где всё зависит только от тебя. Скоро эта мысль просочится в разумы, обожжённые нейронными шокерами, скоро к ним вернётся способность соображать так же ясно, как и прежде..., такая вероятность существовала. Им уже никогда не стать полноценными людьми в смысле эмоций, но возможность соображать обычно возвращалась в течение недели. Конечно, если им удастся прожить так долго.

А пока они подчинялись стадным инстинктам и держались вместе. Немалую роль, в том, что до самого утра они остались вместе, сыграла и привычка подчиняться, почти рефлекс выработанный годами «терапии» нейронных разрядов, за малейшее проявление собственной воли.

Шли несколько часов. Остановились только один раз, когда железные заглушки на затворах, с громким щелчком отскочили от автоматов. Проверили обоймы, повторяя действия Сухого. Не все, и как-то механически, никак не задумываясь над своими действиями, Кон заметил, что трое из них, проверяли оружие, не бросая взглядов на вора. Они знали, как с ним обращаться.

Только к закату Кон обнаружил, что смотрит

не только себе под ноги, но и по сторонам. Первой реакцией стал лёгкий страх, всё тело внутренне сжалось, ожидая удара шокера. Конечно, ничего не произошло — охранники остались там, на той стороне Дыры. Там же остались шокеры, люди, города, знакомая, привычная жизнь. Он впервые осознал случившееся с ним, прошагав не один километр по пустынной дороге.

Кон приотстал от группы и стал наблюдать за своими спутниками. Так было спокойнее. Слишком привык он к режиму, к ударам шокеров за любой неосторожный шаг или взгляд. А так, следуя в хвосте группы, он смотрел только прямо, смотрел на таких же пожизненных, так как-то спокойнее..., как странно видеть их такими. В нормальной одежде. На их плечах висит оружие, за спину заброшены полные сумки, они идут сами, никто не следит, нет охраны, нет роботов, только небо и километры пустой земли..., чувство нереальности, ощущение затянувшегося сна, пришло к нему и не отпускало до следующего утра.

Из всех только Сухой полностью пришёл в себя. Он смотрел по сторонам, шагал уверенно, оружие держал на плече, но не так как все. Кон тоже повесил автомат на плечо, дулом вниз, почти точно скопировав жест вора. Он даже правую руку положил на ствол, слегка сжал его, не понимая зачем. Но раз Сухой сделал так, значит тут так

делать и надо.

Солнце пригревало. В лицо дул тёплый ветерок, иногда принося запахи цветов и шум — он давно такого не слышал и не сразу вспомнил, что он означает. Листва шумела, листва густого леса, коего тоже касался этот ветерок.

В какой-то момент видимый мир поплыл, а по щеке прокатилось что-то горячее. Кон стёр это автоматически и так же автоматически отметил, что стёр со щеки слёзу..., неужели, правда?

Господи, неужели свобода, неужели это всё не сон?!

Сухой остановился только на закате. Он свернул с дороги и направился к лесу. Ничего не объясняя, да они и не требовали от него разъяснений. Просто шли, покорно следуя за лидером. И Кон тоже. Им всем ещё требовался кто-то, кто будет вести их, словно бы на поводке. Не будь с ними Сухого, они пошли бы за любым, кто шагнёт вперёд раньше прочих. Они ещё не до конца осознали, куда попали, что с ними случилось. Очень быстро были забыты слова солдат о зомби, о трубах с кислотой, обо всём — бывшие арестанты просто шли.

На ночлег расположились на опушке, прямо на земле. Вытащили спальники и легли. Здесь пожизненные впервые поступили по-своему. Сухой расплосовал спальник, превратив его во что-то

похожее на плащ. Он выглядел смешно в этом подобии плаща, только никто не засмеялся. Кон посмотрел на него один раз, без эмоций отметил, что вор выглядит теперь забавно и всё. Разум констатировал факт и тем ограничился. Так и должно быть. Иначе можно получить удар шокера, а то и вовсе попасть на процедуру. Здесь они не последовали его примеру. Залезли в спальники, застегнули молнии и закрыли глаза. Почти все уснули через пару минут — привычка и одно из последствий постоянных нейронных ударов. Один только Кон долго не мог уснуть. Он всё смотрел на звёзды. Видел их, но не мог понять, не мог поверить. Яркие белые огоньки весело перемигивались в глубокой черноте безбрежного пространства, а он искал в себе ответ. Вопрос был прост, но ответа он не получил. Как ни старался, Кон не мог вспомнить, почему раньше любил смотреть на звёзды, не помнил, какие чувства должны они вызывать. Просто огоньки.

Кон закрыл глаза и почти сразу уснул.

Глава 3 Поселенцы

Утро началось как обычно. Да, в Новом оно всегда так начинается — солнце встаёт на горизонте, вот, самым краешком высунется и усё, утро. Начинают орать петухи, коровы мычат, будто

их вчера никто не доил, да боров Пашка по свинарнику круги нарезает истошно хрюкая. И не поймешь, отчего оно так в нашем Новом. Как через Дыру прошли, так все они и посвихнулись. Ну, петухи оно понятно — эти ироды всегда на заутреню орут как потерпевшие, национальность у них такая. Коровы те и дома такие были, а что с Пашкой стало, понятию вообще не имею. Нормальный был боров, тихий, ленивый, по свинарнику с ленцой всегда выхаживал, будто петух в курятнике. За раз жрал всегда больше чем все три наши лошади за день. А как Дыру прошли совсем свихнулся. Нет, аппетит у него прежний, даже в весе прибавлять стал, хотя куда ему прибавлять-то? Итак уже с коня вымахал..., характер у Пашки испортился. Может, он по дому затосковал? А что. Вдруг и правда, кто их свиней ентих поймёт.

— Виталька етит тебя налево! — Папенька это. Вот тоже Пашка второй, поспать не дадут. — Зорька давно уже, а ну вставай ленивое отродье!

— Уже встал! Бягу! — Ага, да только не в ту сторону, а подальше с дому да на сеновал. В сене оно тоже спать хорошо. Если привыкший. Так, портки, рубашка, сапоги, теперь в окошко нырк.

— Виталька! А ну скидай одеяло! Вит...

Блин, уже в комнате, шустрый он сегодня. Никак вчера самогонку-то не стал с мужиками

пить..., вот засада! Не хочу я сено косить. Лучше в сене спать, косить его как-то не сподручно.

— Витааааалькаааа!!!!

Ёпт, шустрее, шустрее..., н-да, говорил я набольшему нашему — нельзя траву внутри забора выжигать! Опасно это. И ведь как в воду глядел! И рубашка и портки и даже всё лицо теперь в грязи. Грязь мокрая какая-то..., о! Никак дождь по ночи прошёл? Поднимайся Виталька, поднимайся, а то ведь шлангой-то достанется..., уф, скользкая какая грязища...

— А ну стой паршивец!

— Уййй! — Это я, значит, кричу, значит. Рука у бати моёго як рельс железнодорожный. Ухватил так, что шиворотом чуть башку не отрезало. За то на ноги поставил — вот рывком одним и не напрягаясь. Батя у меня здоров, самый, наверное, здоровый в Новом. Хорошее качество и характер у него мягкий. Вон, сам весь злой, в глаза мне смотрит, кулак второй сжимает-разжимает, вот, казалось бы, возьмёт и треснет от души да по сусалам, ан нет. Отпустил, на ноги поставил, а вот у Петьки батя тот бы не отпустил, дал бы так, что весь сенокос, можно и отменять уже.

— Ты чаго бегаешь-то? — Насупился батя, злится он. Мучает его, что я утром-то встаю как все — глаза открыл, считай, проснулся, а вот работать в поле не загонишь, всё норовлю сбежать.

— Так я это... — Что бы такое сказать, что бы точно шлангой по заднице не получить? Уф..., что-то не лезет ничего в голову с просони-то..., о! — Я со сна-то подумал, тревога то, вот и побёг. До арсеналу. — С честными глазами говорю. И головой на всякий случай киваю, да пытаюсь сообразить, в какой стороне у нас арсенал-то в Новом стоит. Вроде как раз у сеновала его и строили мы..., или дальше, у Амбара? Хех, амбар. Даже Амбар. По привычке назвали, а ведь, по сути, настоящая крепость внутри крепости. Там и запасы у нас, и инструменты самые важные и генератор, тоже там он стоит, гудит всю ночь, собака свинская. Не уснёшь из-за него, а уснешь, кошмары снятся. Вот ведь тоже, какая вещь полезная, какая важная, а ведь сама по себе-то сволочь какая ж противная-то! Парадокс жизни. Оно бывает. Вот Пашка — хороший хряк, добрый, а на деле что? Сало на зиму и мясо вкусное..., что-то я не про то задумался совсем. Счас точно шлангой получу.

— Врёшь стервиц паршивай! — Батя губы кривит, а говорит уверенно, весомо так. Но я-то его хорошо знаю, чай шишнадцать лет в одной хате живём — сомневается он, не знает, верить, аль не верить. Ведь мог я и правда с его воплей, да просони перепугаться, молод я опять же, а значит по определению психика у меня неокрепшая, шаткая. Так кажись, учительница наша нам

сказывала. Там ещё, дома сказывала — она теперь вообще как призрак какой-то. Я её и вспомнить уже не могу. Только блузка эта белая, помню вот что белая, а всё остальное, ну, что выше блузки, да что ниже, вот хоть убей, не помню. Да и школа стала как-то из памяти стираться. Эх..., брррр, что-то ностальгия грызть начинает. Ничего хорошего в том нет, в том только шлангой по заднице можно найти.

— Не вру батя! Перепугалси я. — Киваю головой, ну, для убедительности. — Сильно перепугался. Вот был бы моложе так и кровать бы напугал, а так хоть в грязи только извалялси, без стыдобы енттой.

— Кричишь громко бать, а я спал ведь, сон плохой вот ещё снилси.

Батя покраснел весь. Стесняется это он. Вчерась ещё набольший наш, да старейшина орал на него — весь Новый слышал.

— Оболтуса ты своего будишь, так что куры нестись перестают! Ты это брось нам тут!

Оболтус — это про меня значит. Меня вообще дома ещё соседи хорошо знали. Вот, Виталька — ну не знает никто. А вот про оболтуса спросишь — и дом покажут и скажут, как пол лета от сенокоса отлынивал. А я ведь что, я ничё. Не отлынивал я. Просто возраст у меня такой, переходный. Мне вот внимание надо, молочка парного, да Любане

цветочков нарвать — хорошая она Любаня-то. Женюсь я на ней. Ну, выросту когда. То есть через год другой уже. Вот, а мне что-то всё больше шлангом да по заднице..., эх, что поделаешь, где в деревне-то, да кто разглядит-то мой тонкай внутренний мир!

— Ну, ты это..., Виталь, ты это давай. — Бормочет батя, смущается. Вот и за ружьё опять пальцами лапается — это он когда нервничает, всегда так. Тут у него привычка эта появилась. Дома-то ружьё в хате всё время лежало, а тут нельзя так. Тут ружьё с собой надо, даже в Новом. А то вот было на днях, кошка по ночи перелез через изгородь и куру задавил. Дядя Прокоп из дому вышел, когда кошка куру-то давил — он по ночи часто выходит. Говорит сон у него лучше, если он перед сном прогуляется. Мы то что? Мы верим, киваем всегда, сочувствуем, Прокоп он старенький, пусть его. Главное что бы он по большому на ночь глядячи ходить не стал. А так пусть его — просто мы в его любимом месте забор не чиним, да не ходим туда вовсе, пусть оно так вонят, без нас. Да, а вышел-то он, да без ружья вышел. А кошка его увидала. Прокоп еле ноги унёс и причину прогулки ночной своей, всю на крыльце и оставил, да с процентами в виде других ингредиентов. Цельных пять минут Прокоп дверь свою плечом подпирает (и откуда у старика только силы взялись?), пока кошка

её драл на щепу, да мужиков наших будил. Они-то уже с ружьями вышли. Кошака так дробью наспиговали, что он в весе кило три прибавил! И ведь сбежал кошак-то. Живучие они. Поутру всем Новым искать его выходили — на поле Игнатьевском нашли. Убежать-то убежал, да не далеко убежал. На поле том и помер. Мы шкуру его уж приспособили, в Амбаре, на большему коврику бабы наши соорудили. Хороший получился. У кошаков шерстка хорошая, красивая она. А когда сдохнет, она почему-то ещё и зелёным так вот прямо красиво, переливается вся. Не будь кошки такие зверские, дядя Федот, наверное, и их разводить бы стал. А чего? Кроликов же дома разводил? Разводил. И кошаков мог бы. Да зверские они, никак оно не выйдет. А вот мышков местных он разводит..., правда, это, по-моему, не мышки вовсе, а крыски свинские какие-то. И зачем они Федоту? Мало ему его деланки что ли.

— Сено косить подём бать? — Уныло, вот на лице самый-самый максимум унылости, какой только могу изобразить. Оно может и зря, а может, пожалеет, вот как прошлым летом. Тоже вот не успел убежать, косить пришлось. А как лицо правильное сделал..., а, в прошлом-то году мне шлангой за такой лицо перепало, хм. А как же так? Я же помню! А, то шесть годов назад было. Точно. Вдруг опять получится? Так не охота сегодня косою

махать. Не люблю я дело это. Я бы лучше опять с Петькой по развалинам у камней полазал бы. Там всякой всячины — вот, прям завались! Она, правда, бесполезная, а то бывает ещё и жуткая, аж уши шевелются, но как жеж там интересно!

— Какое там сено. — Отмахивается батя, да оглядывается на дом старейшины нашего. Он у нас отдельно стоит. Маленький такой, красивый. Весь резной — это Никифор постарался, умеет он всякие дручки-штучки из дров лепить. А красили вот, да всякой всячиной, то бабы наши, те, что помоложе, кому ещё сорока годов нету. Старейшине понравилось — неделю весь сиял, перед домом важно вышагивал, прям как Гребешок по курятнику. Льстит старику внимание такое, дома-то он просто Васька-алкаш был, а тут вона как — Старейшина. Он там, дома-то, по молодости, ну, когда ему ещё пятидесяти не было, на ферме агрономом был. Хороший говорят, агроном был, урожаи всегда хорошие с ним были. Вона как, а тут ведь земля другая, непонятная. Тут и старики нужны правильные, что бы в земле понимали, да и в чужой разбирались. Вот и решили всем Новым, что Васька, старик этот, старейшиной и будет. Не ошиблись вроде, вон какой урожай в прошлом году был! Даже дома такого не было. И анализатором учёным этим проверяли и в Дыру отправляли, шоб учёные там покумекали, да сказали, хороший

урожай, аль есть его нельзя, иль может, есть можно, да чем-то работать его надо, что бы съедобный стал. Ну, удивились они там — урожай хороший, съедобный. А Новый теперь Ваську только уважительно, только Старейшина. Он хороший старейшина. Алкаш конечно, ну, а кто не алкаш, если страда кончается? Делать-то если нечего, скотина кормлена, урожай убран, а на дворе снег лежит — чего делать-то? Самогонку гнать, чего ещё то..., у него вот, у старейшины, страда кончилась аж тридцать годов назад, сейчас вот только снова началась. Они у нас тут с Набольшим, самые уважаемые люди, вроде как депутатов, там, дома. Даже вот вроде как диалектический марксизм у нас тут, но демократического смыслу. До сих пор вот не знаю что это такое, но вот Любаня, она вот знает. Умная она баба. И добрая. Точно женюсь на ней.

— А чего тогда? — Действительно. До страды ещё не одна неделя, скотину на поля рано гнать ещё. Часа через два только, когда мужики проверят места, да поля наши поглядят. А раньше-то выгонять нельзя. Это дома у нас можно было, а тут выгонишь так, не посмотревши, и схарчат всю нашу скотину. Придётся так и правда кошаков ловить да вместо борова Пашки есть по зиме гадость эту несъедобную. Хотя вот тоже — никто ведь не знает наверняка. А вдруг кошки съедобны? Они так-то прыткие, в меху все, но не шибко-то худые. Если

им бегать сильно не давать, так может, и салом обрастать будут ещё и лучшее чем Пашка.

— Шишнадцать тебе Виталька. Мужик уже. — Бормочет смущённо. Не понимаю я что-то. Ну, так-то да, мужик вроде как, а ружьё мне не дают! Да всё как с дитём малым, а я может уже мужик такой что ойёйой какой мужик! Да и жениться я хочу, опять же, хозяйство, детей как бы. С Любаней естественно. Нафиг мне кто ещё? Любаню мне надо..., хотя как-то я ведь не рассматривал других кандидатур. А то может, ошибку делаю, а? О! Так вот, наверное, в чём дело! Раз я задумываться стал над такими вот штуками странными, то может это я шире смыслить стал? Как бы взрослее, что ли там я не знаю...

— Мы вот чего вчера с Набольшим говорили, да Старейшина тоже тем же мыслит..., мmmm...

— Чего мычишь-то бать? — Действительно, чего-то мычит, ничего не говорит и не понять нифига, чего он мычит. Может..., ай...

— Цыц! — Всё, смущаться уже не хочет батя мой, затрещину вlepил, ухх..., больно-то как блин...

— Да я чё, я ничё, молчу я... — Вроде оттаял, извинения прошли нормально. Так чего ему надо-то от меня? Мож и мне ружьё дать решили? Ух! Вот Любанька-то подивится!

— Сейчас старейшина и набольший из дому

выйдут, узнаешь всё. А теперь поди умойся, да оденься поприличнее. Событие сегодня у нас. У всех.

Ух! Точно ружьё дадут! Да, наверное, и Петьке и Сёмке, да всем нам, наверное, дадут. Хотя Сёмке ружьё рановато, пожалуй. Малый он совсем. Пятнадцать ему всего только, несмышлёныш ещё.

Умываться оно конечно хорошо, да вода у нас в Новом из родника подземного, холоднющая. А горячей пока печи не затопишь, и не будет, генераторну-то энергию набольший экономить постановил, шоб ему до лестницы и с неё да сверзиться башкою по низу! Эх..., ну, ничего не поделаешь, придётся так умываться.

Брррр! Какая же она холоднющая! Особенно по утрам..., хорошо хоть фильтры теперь стоят новые, а то в прошлом месяце Ванька умылся так вот поутру — вся рожа теперь в ожогах, а он и так, образина образиной, а с ожогами теперь совсем страх ночной. Дохтур наш говорит, то вирус бактериальный, да какой-то кожный весь. Химической ещё. Или это что-то про разное он говорил? Не вспомню никак..., всё вода эта леденющая. Уф, всё, вымылся. Почти. А! Так сойдёт, чай не на танцы собралси. Одеться поприличнее батя сказал, ага. И чем это я оденусь интересно? У меня портков два штуки, да рубах четыре и носок почему-то один остался..., странной

какой носок. А, это не носок, платок может? Может и платок, да пахнет почему-то как носок..., а, оденуть как попало.

Зря торопился. Пусто. Спят все что ли? Это может они так специально пошутить решили? Если суббота сегодня, так мы всем Новым просыпаемся на два часа позже. Так-то как и всегда просыпаемся — спасибо Пашке да Гребешку, шоб их об косяк да разов шесть к ряду. А потом опять все спят, как проорётся наш суповой набор. Люблю я субботы. Раньше вот не любил — дома всегда засветло просыпались. А тут как-то нам оно получше что ли. Вот и субботу таким вот днём хорошим назначили. Захотелось так. Захотелось, взяли да сделали. А кто нам чего скажет? Депутатов нету тут, председателей да фермеров тоже нету. Мы тут вообще один посёлок на фиг знает сколько километров. Сами мы себе и власть и полиция. И порядок, и закон, мы тоже сами. Вот и устраиваем свою жизнь как нам хочется, а не как кому-то там, в голову перезрелым жёлудем упало.

Хорошо тут, вот и Новый мы строили — взяли ведь, да и решили, тут у нас Новый будет. У лесу у самого. Ну, это что бы брёвна не таскать, мы так решили, что просто вырубим нафиг все эти деревья, из них построимся, а где вырубил вот и засека будет, что бы никто за деревьями не подкрался. Тут могут — звери всякие есть. Кошки только чего

стоят. Да и люди. Меченые, бандюки эти, поначалу-то всё время норовили скотину у нас увести, да ограбить. А потом совсем обнаглели. Дядю Петю вот убили ироды. Мы и делать чего не знали, как от них спастись-то. У нас и ружья и чего потяжелее тоже есть, да не очень-то мы справляемся. Нам земля ближе, её мы понимаем, скотину вот понимаем, а воевать по кустам с ружьями, что-то не выходит. Мы было дело даже наняли как-то меченых что бы от других меченых защищали. Батя с Набольшим специально к Дыре ходили, ждуть, когда новых привезут, что бы пока они не увидели что да как тут, перехватить их, да и к нам сразу. Ничего, хорошо справлялись поначалу. А потом вот Потапенко всю семью поубивали. Снасильничали девок потапенских да и убили. Ну, мы ведь тож не просто так живём. Батя с мужиками поутру их всех и скрутили. На изгороди мы их повесили всех четверых. Да так там их сушиться и оставили, шоб другим наука была. Помогло ведь, долго меченые не совались сюда, а месяц назад опять безобразничать стали. Корову Семёновскую увели, да самого Семёнова подстрелили ироды. Ну, хоть учёные теперь, убивать не стали, побоялись, что найдём, да на забор сушиться вывесим. Мы хоть к земле ближе, да здесь земля другая, здесь она свободна, нет на ней никого, мы только. Баловать не выйдет, полицейских всяких тут нет, баловать не

позволим. Мигом мужики наши роги по обломают. Наша тут земля. Вот где лопату воткнём — всё наше. И законы тоже наши, всё только наше.

Эх, красиво в Новом..., но траву всё равно зря повыжгли. Красиво было, когда только закончили дома рубить, да за забор взялись. Теперь грязновато. Ага, а вон, там, то бревно расколотое, помню. Так оно и понятно, что запомнилось-то. Этот раскол, на боку у него — это мишка с лесу в гости приходил. Ох и бежали же мы оттуда! Хе-хе, до сих пор его помню. Мишку. Батя говорит, это бурый, только они тут сильно бурые. Ей-ей, метра три в нем, когда на лапы встанет. А зубищи! Слон настоящий — они вроде тоже зубастые, нам в школе что-то такое говорили. Слоны вот, наверное, тоже такие же волосатые, да из лесу приходят людей пугать. А вот интересно — медведей местных есть можно? Надо у наибольшего спросить, он вроде в этом всё понимает — не он так и не знали б мы шо собаков-то местных есть можно, отварити ежели добро. Дохтура тоже вот он понимает, а ведь больше никто не понимает, чего дохтур мелет. Дохтур он вообще какой-то странный. Я его честно говоря побаиваюсь, есть в нём что-то такое злобое. Кто его знает, возьмёт ни с того ни с сего да укусит, иль по хребту чем-нибудь ударит. Он может — явно не так с ним что-то.

Во, из Амбара наибольший выходит. Зевает.

Вот его никто не шпыняет, если он петухов проспит, а меня было дело шлангом по хребту — шоб проснулся быстрее значит...

Из домов люд выходит, тож чего-то сонные все. Всё-таки суббота сегодня. Так чего ради отменили наш двухчасовой выходной? Не похоже шоб ради трёх ружей. Что-то важное, наверное, набольший сообщить хочет. Опять что ли репу кормовую, для скотины которую растим, кабаньё повыкопало? Ох, как они уже замучали. Совсем спасу от них нету. Каждый день из лесу приходят репу жрать. И ведь плевать им свинам иглобрюхим, зелёная она ещё иль спелая уже — жрут и всё тут. Наверное, опять изгородь повалили. Помнится, прошлым летом пришлось всем Новым её поднимать, да укреплять. Сейчас она почитай частокол, не хуже чем в Новом. Ну, пониже конечно, только что бы кабаньё не лезло, но всё равно. Нет, ну как они его свалить могли? Тут что-то другое..., кстати, а зачем кабанам, из лесу которые ходют, эти их иглы на брюхах и боках? Хм, как-то раньше не задумывался. Свиньи и свиньи, просто странные, да не в хлевах, а в лесу живут. Ну и пусть живут, главное, что бы репу не жрали, а то ведь её есть кому жрать-то и без них.

— Виталь, чего нас подняли-то, в субботу-то? — Петька совсем чего-то едва языком ворочает. Никак он вчера у мужиков самогонку

умыкнул. Ну-ка, пахнет нет от него? Пахнет, вот кому шлангом-то надо, а не мне. Я всего-то и сделал, что проспал вчера. Ну, и позавчера тоже, но это ведь не самогон глотать, когда поутру работать! Рано мне ещё. И работать як конь молодой, мне тоже рано. Я может, здоровьем слаб, да вообще от природы человек другой — я вот жениться опять же хочу. На Любани.

— А я почём знаю? Может, опять изгородь кабаньё поломало.

— Охохой... — Уныло шмыгает носом Петька. Эт правильно, эту изгородь мы все надолго запомним. Не изгородь — Вапилоная башня. Её майя строили в Азербайджане, нам учительница сказывала. Громадина — жуть! Она потом рухнула. Много молдаван поубивала и с тех пор её больше не строили.

Солнце ещё над изгородью только-только поднялось, а уже весь Новый собрался. Весь считай, двор заняли. Я как-то и не думал что нас так много. Домики вот к изгороди все жмутся, двумя полукругами, а места в центре, возле Амбара, остаётся много, а вот сейчас посмотришь — плюнуть негде. Только если осторожно и сильно опустив голову вниз, а так обязательно в кого-нибудь попадёшь. Человек почитай сто. Или даже сто пятьдесят. Хотя может и всего пятьдесят. Не силён я как-то в математике — нет у меня к

тому талантов. Я вот пока не женюсь, вообще никаких талантов проявляти не буду. Не хочу потому что. На самом деле у меня их — ууууу! Не счесть. А пока вот Любаня за меня не выйдет — ни одного не раскрою! Не хочу потому что.

Эх, как жеж оружие охота носить-то як мужики все! Не, так-то без оружия у нас почитай никто и не ходит. Это раньше было как-то не привычно, да ново. Было и забывали дома и зарядить забывали, а сейчас вот привыкли уже. Вот как Павловых на поле собаки сожрали, так и привыкли. Теперь у нас все с оружием ходют. В Новом-то только мужики, а так редко кто. А за частокол без оружия у нас теперь нельзя — набольший со старейшиной для того специальное наказание даже придумали. Вот выйдет кто в поле без ножа большого, тому по ночи на заборе и сидеть, дежурить, значит. Оно конечно просто ради наказания. Кошака ты ночью, даже при луне всё равно не увидишь, еслив он осторожничать будет, да внутрь забираться. Кошаки-то умные, нас хорошо чуют и ходют они бесшумно, что по частоколу нашему, что по земле — тихо-тихо, пока голову не отхватит. Нож конечно хорошо, но на поле он мало чего стоит, если кошаки придут. А уж еслив вороньё прилетит так и вовсе бесполезен почти что..., эхе-хей, вороны эти совсем задрали. Спасу нет от них. Всю капусту пожрали ироды!

Мясо-то они не едят, а ежели их не гонять с поля-то, то и на нас они ноль внимания. Но мы ж для себя капустку-то садим! Не для них иродов. А злобые какие — просто жуть! Гонять начнёшь, они и убить могут. Так-то они вороны, а размерами коршуны какие горные, а клюв откроет, так и вовсе, кошка в перьях. Злющие ещё. С ними ножики наши не помогут. Потому мужики в поле и ходют с ружьями. Вот и я так хочю. Конечно, если кошки нападут, иль меченые на частокол полезут — всем оружие раздадут, но потом обязательно отберут. А я хочю, что б всегда оно, вот как у бати моёго. Я б и в руины тогда мог бы поглубже зайти, посмотреть чего там такое светится в больших развалинах..., а если чего шибко ценное там светится, точно мне Любаню жениться сразу отпустят!

Набольший чего-то хмурый весь, а старейшина наоборот — разругались что ль? Часто у них это бывает, возраст разный у них. Набольшему лет так тридцать, а старейшина он как есть древнее нашего старого посёлка. Говорят, он даже Ленина живьём видел. Честно не знаю, кто это, но жил давно, а значит, момент показателен. Стар старейшина, а набольший молодой, вот и конфликтуют. Но это правильно. Оно же как — в споре рождается правильный вопрос..., в смысле, ответ. Они когда к согласию прийти не могут, они к бати моёму идут, как к судье третьемскому. Ну,

значит, что бы он как третий голос вот как на выборах выступил. Вот чего вчера батя дверьми стучал да шушукался чего-то — набольший со старейшиной приходили. Понятно..., любопытно чего ж случилось-то? Скорей бы уже начал говорить что ль, иль спать бы уже всех отпустил.

— Тварищи граждане городове Новый! — Старейшина говорит. Ну, точно батя его поддержал. Эх, набольший мне теперь покою не даст. Да и бати всё припомнит. Но оно так-то ничего. Набольший мужик добрый. Покуксится да перестанет. Переживём.

— Чаго собрав всех-то? — Кто-то из толпы, не пойму кто таков. Много нас как блин..., я думал меньше. А вот вышли все на площадку — много нас значит, земли не видно.

— Работать тяжёленько нам стало. Се то знаем. — Старейшина чего-то бороду дёргать начал, кажись, волнуется. Значит, что-то удумал такое, что нам может и не понравиться. Любопытно.

— Тако вот. Работать, значит, тяжёленько, потому шо мужики у нас се с оружием, за полями приглядывают, а работают частью большей бабы, да дити малы.

— А быть-то как? — О, это Пафнутий говорит. Он хороший, трудяга. Даже в поле вместо того что бы по сторонам смотреть, работает. Правда

поближе к кому-нибудь кто за местом присматривает. Пафнутий не дурак ведь, просто не любит он кровь и стрельбу. — Бабам что ль оружие отдати?

Загудел народ. Бабы возмущаются, а мужики кивают, мол, да, бабам нельзя оружие-то, а то ещё друг дружку, да и мужиков до кучи постреляют. А бабы-то у нас тоже, того, не робкого десятку-то.

— А ты чаго киваешь, алкаш проклятай?! — Аж все услышали. Да слова вот не все услышали, а как Федоту да по шее Ефросинья-то врезала, то все услышали. У нас вот лучше Федота никто материться не умеет. За то может Ефросинья ему вторую затрещину счас и влепила.

— А быть в том нам как я придумал. — А чего он на меня теперь смотрит? Да прищурился старый, в бороду улыбается. Чтот мне его взгляд не нравится. — У нас возрастат цельный выводок оболтусов повродь Витальки. — Предпочитаю молчать, храня надменный вид. Ну, его, старого пердуна — попробуй против скажи, загрызёт и потом жисти не даст.

— По хребтине оглоблей и нормально всё буит. — Даже не смотрю в сторону этого «умника». Ему б самому похребтине врезать, да чем потяжелее. Иш! ВыискаилсЯ..., на всякий случай запомню. При случае обязательно ему свинью подкину — пусть знает, какие мы оболтусы

мстительные! Нас трогать не могли, а то ведь и под дверь нагадить можем и за словом в карман мы не полезем — так все их знаем.

— Не помогают то. — Огорчённо качает головой старейшина. — Такие як Виталька разумению не поддаются. Я ж его давненько знаю-то, и пороли и чаго ж только не делали, как был оболтус так и осталси. — Батя чего-то совсем среди толпы порастаял весь. Только тут был, пунцовый весь стоял, а теперь вот не видать его совсем. — Вот до поводу тогу, был у нас с наибольшим дилектический спор.

— Какой? — Не видать, кто спросил, голов як в банке селёдок.

— Друг с другом они спорили. — Это Любаня моя ответила. Эх, какая же она красавица! Она меня тоже любит.

— Любань, подёшь за меня? — Поворачивается медленно так, коса вывернулася, носик вот видно, глазки вот косятся на меня..., кхм, почти что с любовью. Женюсь я на ней.

— Усохни заморыш. Я с дураками не вожуси. — И отвернулася. Но это она так, играетси это она. Стесняется. На самом деле любит она меня. Ну, понятно же всё — вон как упирается да ни в какую на сеновал со мной идти не хочет. Цену набивает. Что б я значит, сначала свататься пришёл, а там уж и всё остальное. Правда, как ни приятно

мечтать, есть конкурент, и может быть, весь спектакль этот, не для меня одного. Как-то не думал я о том..., а вдруг это она просто определиться не может? Вот и упёрлась, як кобылка молода. Ну, точно, так и есть. Эхе-хей..., а чёж делать-то? Степан вон и старше и поле уже мужики наши ему решили отдельное дать. Уважают Степана. И здоровый он, да работающий. Эх, так-то подумать шансов у меня маловато супротив Степану..., а! Бог поможет, справлюсь. Не поможет — Любаню я люблю, конечно, но к Наташке вот тоже что-то такое испытываю. Оно ведь как в любви-то, любишь, любишь, а вот как надоело, сразу другую любишь и всё. Это вот правильная когда любовь. Вот, зараз не больше одной. Потому что если любовью много, начинается конфликт диалектический, это мне старейшина рассказывал, что диалектический он. А когда конфликт этот наступает, голове плохо, сердце не на месте и ноги мёрзнут. Странно конечно, что ноги мёрзнут, но старейшине виднее, он вон, сколько жил, знает, что да как. Так что...

— ...так шо, порешили мы с набольшим так. — Ой, блин, задумался, прослушал всё. А старейшина ажно раскраснелся. Видать речь забористую толкал. Жаль прослушал. Он иногда такие речи толкает — заслушаешься! Умеет он. Откуда только непонятно. Мож и правду говорят —

истина в вине. Некоторые говорят, что в вине шо из рябины гонют, истина получше будет. Ну, я того точно не знаю, рановато мне пока за истиной до космосу подключаться. Старейшина в этом деле вот дока, знает чего да как. Лет почитай тридцать к космосу подключалси. — Пусть лучшее буит до нас своё ополченье, нежели меченые всякие, да мужиков с работы отвлекать никто не буит.

— И то, что ж терь от Витальки поле моё зависеть будет??? — Аж зубы заныли. Вот жеж старая орёт — её даже кошки боятся. Бабка Нюра она такая. Орёт если всё, глухота на все уши сразу..., стоп. Чего это они там про меня-то галдеть начали? И про Петьку тож. Хм, жаль прослушал чего старейшина говорил. Но вроде как ружьё мне всё-таки дадут. Ну, если ещё поле своё, как Степану, мужики дадут, то Любаня точно моя. Я так-то покрепче, да и лицо у меня получше. Да и вообще я получше как-то. Природа так вот сделала, красив я, да умён. Завидный жених, что тут говорить? Моя теперь Любаня. Надо цветов ей надрать где-нить. Шоб значит, шансы свои закрепить. Кстати, полынь вот цветёт, можно её за цветы считать? Вопрос вопросов. Надо бы со старейшиной посоветоваться. Иль с батеи, как отыщется. Не видать его чего-то. Эх, натерпелся батя из-за односельчан наших. Стыдят они его почём зря. Никакой я не оболтус и воспитывает

меня батя правильно..., ну, шлангой по хребтине оно может и перебор, так ведь и не часто он шлангой-то. Раз в месяц. Да и то через раз. Новый просто полон недалёкими, простыми людьми. Тяжко нам тут с батей. Мы-то ого-го какие! В смысле интеллекту. А Новый, люди тут простые, а мы вот, значит не простые. Умные мы.

— Граждане тварищи! — Руками старейшина машет, хрипит что-то. Голос вот надорвал. Ну, бывает, оно ведь как, ораторское искусство требуют жертв. Вот глотка, там первая жертва и есть. Попритих народ немного. Опять старейшина заговорил. — Покась ничаго шибко сменять-то мы и не буим. Оболтусов наших оружим и глядети буим как ся покажути. Я вверен до тогу, что никакие они не оболтусы, а просто талантливы иначе як мы.

— Брехня. — Набольший вот лучше бы молчал. Мне что-то так понравилось чего старый говорит, а он ирод взял всё и спортил. Что-то я теперь и сам сомневаться начинаю, мож старейшина опять к космосу подключаться начал?

— Вот того и знамо буит! — Злится он, не любит когда с ним не соглашаются. — С этого мументу, с мужиками нашими Петька, Виталька и Сёмка ходити буут. Ружья до них дадим шо из арсеналу. Сё, тварищи граждане, могёте нонче расходиться по делам своим, а вы подити до

арсеналу.

А чего и не пойти? Иду, конечно. Только чегот не верится, что он это всё всерьёз говорил.

Ладно, уж, верим, вроде как. Арсеналов у нас вообще-то два. Один в Амбаре, один у частоколу стоит. Батя строил, ладно так строил. Немножко оно конечно, криво, но не шибко. В основном нормально. Брёвна хорошие, плотно стоят. Окон нету, дверь тож вся из цельных брёвен. Ага, кивает нам старый. Кто бы сомневался — сам он её ни в жисть не откроет. Ну, ничего, мы с Петькой чай не дохляки городские. Петька вон какой — он даж вместо коня в упряжке пахать может! Я-то не могу, у меня здоровья меньше, а Петька тот запросто. Мы, было дело, на спор его запрягали. Бахвалился он, вот и получился спор тот. Почти версту Петька вспахал. Умаялся, аж на ногах не стоял, но вспахал. Борозду одну всего конечно, но так он всё ж и не настоящий конь, что б всё поле вспахать и совсем без передыху. Я вот думаю, с возрастом оно же люди крепчают, кряжистее становятся, крепче. Вот Петька поширее в плечах станет, мышцев на нём поболе нарастёт и в хозяйстве экономия у него буит. Ну так, зачем ему конь если он сам пахать может? Не нужен ему конь. Он сам як конь..., ох ты!

— А я и не знал что тут у нас такое есь... — Бормочет Сёмка, а Петька ещё не посмотрел

внутри-то, стоит нос кверху задрал — гордится значит.

— Эм шишнадцать! — Громко говорю, а сам-то смекать начинаю — откуда и зачем нам шишнадцатые эм древние да зарубежные? Государство-то не шибко нам с деньгами помогало. Всё ж считай своё. Колонию всем миром собирали, аж тремя соседними сёлами. Не все конечно, много кто дома остался, а те, кто собрался всё ж до новой землицы, да землицы своей, зипунами не шибко богаты были. Ружья, у всех считай, свои, с домов принесёны. Деньги что были все на упряжи, на скотину, да скарб какой-никакой ушли. Зачем старшие наши стали бы раритетное оружие покупать? Не стали бы, не дураки ж, что б в такой дорогуший хлам зипуны последние бросати. За одну ж настоящую шишнадцутую можно две вязанки шокеров, нейронные которые, взять.

— Шишнадцатые не светются. — Важно заявляет Петька. А сам хмурится да глазки бегают — тоже не знает ведь. Оно может и не светются, а может и светются. Дорогушие они, мало кто их живьём — то видел. — Это что-то другое.

— Оболтусы... — Ворчит старейшина, нас вот оттолкнул, в арсенал заходит. Да к слову тож, арсенал..., только пять этих автоматов светящихся, да всякого старья на кило сто пятьдесят. Вон, обрез Епатьевский лежит, помню я его. С Митькой

Епатьевым мы с него по воробьям стреляли. Трудно всё-таки дробью в воробья попасть! Да с десятку метров. Шустрые они. — Мы жо разумели, куды едем-то. Вот, совещалиси, апосля подкупили ружьев немножко, да того лучшее что есть.

— А чего не спользовали? — Действительно почти два года мы тут уже. И с зомбями намаялись (а до чего ж они вонючи! Страх и жуть.), и кошаков было дело рогатиной отгоняли, да и собаки кровь нам портили, а тут вон оказывается, прям под носом такое лежит и пылится себе! Нехорошо.

— Не хочют мужики с них стреляти. — Уныло, со злобством каким-то бурчит старейшина. — И вот за каким докупали... — Ой, чего это с ним? Я, да и вообще в деревне, таких вот слов, что он щас сказал, никогда и не слышали. Видать, сильно огорчили его мужики наши. — Гутарять не с руки с железой такой до зверю ходити. Да то брехня сё — пужаются с них они. Светяшиеяси ружья оно ж того, шибко того, не сподручно значитси. А меченым, аль ишшо кому не нашенскому, такое дать не могём мы. Наше оно, мы докупили сё, да на кровны гроши сё. А бандюки покрадут, только покаж до них се ружьи, ишшо до зорьки поупрути сё шо заприметют. А вы молоды, отроки ишшо, да головушкою лихи и просты. Думаю, смогёте управиться с оружием таким и пужаться не буите.